



Сара Эдисон
Аллен

Сахарная королева

Очаровательный,
искренний и увлекательный роман.

Goodreads.com



КНИГА ДЛЯ ТЕХ,
КТО УМЕЕТ МЕЧТАТЬ



Сара Аллен
Сахарная королева

«Азбука-Аттикус»

2008

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Аллен С. Э.

Сахарная королева / С. Э. Аллен — «Азбука-Аттикус»,
2008

ISBN 978-5-699-37056-6

Джози считает себя счастливой лишь в те минуты, когда забирается в свой тайничок, где хранятся конфеты и любовные романы. Ей уже двадцать семь, однако застенчивость мешает девушке завести друзей и о любви она знает лишь из книг. Нелегко ей живется в одном доме с деспотичной матерью, но вопреки своей скучной, однообразной жизни Джози умеет мечтать! И судьба благосклонно улыбается ей, посылая весьма неожиданную встречу. С этого дня с Джози начинают происходить невероятные, головокружительные события, которые зачастую можно объяснить только волшебством...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-37056-6

© Аллен С. Э., 2008
© Азбука-Аттикус, 2008

Содержание

Слова признательности	6
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сара Эдисон Аллен

Сахарная королева

Папе с любовью

Sarah Addison Allen
THE SUGAR QUEEN
Copyright © 2008 by Sarah Addison Allen
All rights reserved

© И. Тетерина, перевод, 2017

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство Иностранка®

* * *

Такие слова, как «сладкая», «очаровательная» и «восхитительная», недостаточно выразительны, чтобы должным образом похвалить эту замечательную книгу.

Publishers Weekly

«Сахарная королева» предлагает взгляд на то, какими должны быть настоящие отношения между людьми. Этот роман подобен десерту, который вы считаете слишком сладким, тем не менее жадно поглощаете.

Entertainment Weekly

В этой книге столько нежности и очарования, что от нее трудно оторваться, пока не дочитаешь до конца. Она забирает читателя в плен... Вы влюбитесь в творчество Сары Эдисон Аллен и в созданный ею мир.

Guardian

Слова признательности

Спасибо маме за сладкие воспоминания о моем детстве. Андреа Сирилло, Келли Хармс и все остальные из агентства Джейн Ротрозен, общение с вами освежает не хуже печенья в лимонной глазури. Шона Саммерс, Нита Тоблиб и все остальные из «Бэнтем», вы круче, чем горячий шоколад с пастилой. Каролин Мейз и все остальные из «Ходдера», вы оказались для меня чудесным сюрпризом из шоколадного яйца. Дафна Эткисон, во всем мире не найдется столько сладостей, сколько причитается с меня за твою помощь и поддержку. Шоколадные трюфели лукавым Дуэттерам, шоколадное мартини Мишель Питтман и шоколадный батончик Хайди Хенсли – за верную дружбу, которая греет мне душу.

Глава 1

Вечные леденцы

Проснувшись, Джози увидела заиндевшее от мороза окно и улыбнулась. Наконец-то похолодало! Теперь она сможет носить длинное пальто и колготки. А еще шарфы и рубашки, одну поверх другой, как камуфляж. И свой счастливый красный кардиган, который – ей-богу! – обладает волшебной силой. Джози любила холода. Лето угнетало ее необходимостью надевать легкие платья, в которых она, несмотря на внешнюю раскованность, казалась себе похожей на перетянутую поясом сдобную булку. Холода были таким облегчением.

Она подошла к окну. Все вокруг в пределах видимости было подернуто похожим на сахарную пудру инеем, над трубами в долине за их курортным городком вился белый дымок. Джози порывисто распахнула окно, но одну створку заклинило, и пришлось с усилием толкнуть ее от себя. Наконец рама подалась, и в комнату ворвался по-ноябрьски морозный воздух, который приносил в город лихорадочное оживление: с наступлением холодов в горы Северной Каролины каждый год устремлялись потоки туристов.

Джози высунулась в окно и вдохнула полной грудью. Если бы холодный воздух можно было есть, она насытилась бы им от души. Утренние заморозки наводили ее на мысли о печенье. Об имбирном печенье в хрустящей ванильной глазури и с кусочками белого шоколада. Они таяли во рту, точно снег, оставляя после себя сливочную теплоту.

Она уже готова была убрать голову, как вдруг заметила одну странность.

Прямо к окну была приставлена лестница.

Джози отпрянула и поспешно захлопнула окно, потом немного подумала и на всякий случай заперла его на защелку.

Она отвернулась и двинулась к стенному шкафу. Ей было не по себе. Вообще-то, ночью она не слышала ничего подозрительного. Должно быть, лестницу оставили рабочие, которые накануне подстригали деревья на их участке. Ну да. Точно, это они. Наверное, просто прислонили лестницу к дому, а потом забыли убрать.

Джози открыла дверцу шкафа и потянулась к выключателю зажечь свет.

И, вскрикнув, попятилась назад и остановилась, лишь когда ударилась спиной о письменный стол и с грохотом сшибла на пол лампу.

– Ради бога, – произнесла женщина, сидевшая на полу в ее гардеробной, – только не поднимай шум.

– Джози?

Из коридора послышался сначала голос матери, потом стук ее палки.

– Только не говори ей, что я здесь, – с непонятым отчаянием в голосе взмолилась незваная гостья.

Несмотря на холод, она была в короткой белой рубашке и обтягивающих синих джинсах с заниженной талией, открывавших взгляду набедренную татуировку в виде разбитого сердца. Осветленные до соломенно-белого цвета волосы уже отросли примерно на дюйм, а на темных корнях проглядывала седина. Тушь на ресницах потекла, и по щекам тянулись темные дорожки. Вид у женщины был такой, как будто она угодила под дождь и даже успела высохнуть, хотя дождя в округе не было давным-давно. От нее пахло сигаретным дымом и речной водой.

Джози обернулась на скрип открывающейся двери и совершила тот незначительный поступок, который и положил начало всему. Она протянула руку и закрыла дверцу шкафа ровно за миг до того, как в комнату вошла ее мать.

– Джози? Что за шум? У тебя все в порядке? – осведомилась Маргарет.

Изящная и ухоженная, голубоглазая и светловолосая, она когда-то была красавицей. Наделенные внешней привлекательностью матери обладают определенной властью над своими не столь щедро одаренными природой дочерьми. В свои семьдесят четыре года, несмотря на хромоту после операции на шейке бедра, Маргарет все еще способна была, войдя в комнату, заполнить ее собой, точно аромат духов. Джози ничем подобным похвалиться не могла. Максимум, чего ей удавалось добиться, было внимание, которое она в детстве привлекала к себе своими вошедшими в легенду истериками в общественных местах. Впрочем, то было внимание совершенно иного рода.

– Это лампа, – пояснила Джози. – Взяла и набросилась на меня ни с того ни с сего.

– Вот как, – холодно проронила Маргарет. – Оставь, пусть прислуга уберет. Одевайся скорее, мне некогда. К девяти мы должны быть у врача.

– Да, мама.

Маргарет закрыла дверь в спальню дочери. Прежде чем снова броситься к шкафу и открыть его, Джози дождалась, когда затихнет стук материнской палки.

Мало кто из местных не знал Деллу Ли. Она работала официанткой в низкопробной забегаловке, расположенной на достаточном отдалении от города, чтобы это заведение не смогли увидеть толпы туристов-горнолыжников. Вечера она коротала в барах. Ей было под сорок, лет на десять больше, чем Джози, особа она была грубая и вульгарная и творила все, что взбредет ей в голову, не утруждая себя поиском благовидных предлогов.

– Делла Ли Баркер, что ты делаешь в моем шкафу?

– А нечего оставлять окно нараспашку. Один бог знает, кто может забраться в дом, – отозвалась Делла Ли, в один миг сокрушив прочно укоренившееся поверье о том, что, если окропить подоконники и пороги мятным маслом, можно не бояться незваных гостей.

Многие годы мать Джози требовала от всех служивших у них горничных, чтобы те смазывали мятным маслом каждый оконный и дверной проем. Теперь их дом благоухал Рождеством круглый год.

Джози отступила на шаг и кивнула на дверь:

– Выходи.

– Не могу.

– Еще как можешь.

– Мне нужно где-то отсидеться.

– Понятно. И никакого другого места ты, разумеется, выбрать не могла.

– Кому придет в голову искать меня здесь?

У женщин, подобных Делле Ли Баркер, жизнь не сахар. Она намекает, что ей грозит опасность?

– Ну ладно, допустим, я поверила. Кто за тобой охотится, Делла Ли?

– Может, и никто. Может, моего отсутствия пока не обнаружили. – Тут, к изумлению Джози, Делла Ли протянула руку к потайной планке в стенке узкого шкафа и сдвинула ее в сторону. – Зато я кое-что обнаружила.

За стенкой шкафа скрывался вместительный тайник. На полу громоздились стопки любовных романов, глянцевого журналов и каталогов, но большую часть этой каморки занимали полки, битком набитые разнообразной снедью: упаковками чипсов и орешков, рядами сладостей, батареями банок колы.

На Джози внезапно накатила горячая волна паники. Ее считали счастливым человеком. И большую часть времени она была счастлива – тихо, неловко. Да, она не обладала ни красотой матери, ни обаянием покойного отца. Она серая мышка, да еще и полноватая в придачу. С этим она смирилась. Зато еда приносила ей утешение, заполняя собой пустоту в жизни. А прятала Джози свои запасы потому, что так можно было насладиться ими в одиночестве, не заботясь о том, что подумают люди, и не боясь расстроить мать.

– Сначала мне нужно кое-что выяснить, – сказала Делла Ли, сдвигая потайную дверцу обратно; все было ясно без слов. Она недвусмысленно дала понять, что знает секрет Джози. «Сдай меня, и я сдам тебя». – Потом я подамся на север.

– Тебе нельзя здесь оставаться. Я дам тебе денег. Поживешь в мотеле. – Джози потянулась за кошельком, чтобы поскорее обезопасить свою заначку от Деллы Ли, но рука ее застыла на полпути. – Постой. Ты что, уезжаешь из Болд-Слоупа?

– Можно подумать, ты не мечтаешь свалить из этого поганого городишки, – фыркнула Делла Ли, отклоняясь назад.

– Не говори глупостей. Я ведь Сиррини.

– Поправь меня, если я ошибаюсь, но, по-моему, я видела в твоём тайничке кучу путеводителей.

Джози вспыхнула и снова указала на дверь:

– Выходи!

– Похоже, я оказалась тут очень даже вовремя. У счастливых женщин не бывает таких шкафов, Джози.

– По крайней мере, я в нем не прячусь.

– Готова поручиться, временами еще как прячешься.

– Вылезай.

– Не вылезу.

– Ну все. Я звоню в полицию.

Делла Ли расхохоталась. Она сидела в шкафу и смеялась над Джози. Передние зубы у нее были чуть кривоваты, но это ее не портило, наоборот, придавало облику пикантности. Делла Ли была из тех женщин, которым сходит с рук все, что угодно, потому что им сам черт не брат.

– Да? И что ты им скажешь? «У меня в шкафу какая-то женщина, приезжайте, вытаскивайте ее»? А вдруг они найдут твою заначку?

Джози ужасно хотелось проучить Деллу Ли. Честное слово, нахалка этого заслуживала. Ну и что, пусть все узнают про запасы еды у нее в шкафу. Но тут сердце у нее забилося сильнее. Кого она пытается обмануть? Мало ей того, что она жалкая пародия на южную красавицу? Ее лишний вес, ее злополучные волосы, ее тайные мечты уехать подальше от матери, которая так в ней нуждается. Хорошие дочери заботятся о своих матерях. Хорошие дочери не прячут у себя в шкафах сладости в таком количестве.

– Значит, если ты останешься здесь, то никому ничего не скажешь, правильно я понимаю?

– Ну да, – непринужденно кивнула Делла Ли.

– Это шантаж.

– Грехом больше, грехом меньше.

– По-моему, больше уже некуда. – Джози сняла с вешалки платье и закрыла дверцу шкафа.

Она направилась в ванную, расположенную чуть дальше по коридору, переделалась и собрала в хвост свои круто вьющиеся лакрично-черные волосы. Вернувшись в комнату, Джози какое-то время стояла и смотрела на дверцу шкафа, выглядевшую как обычно. Сама дверца и дверная коробка, покрашенные «белым антиком», выделялись на фоне бледно-голубой стены. Верхние углы дверного проема украшал выполненный вручную резной узор в виде концентрических кругов. Ручка из белого фарфора была круглая, точно шляпка гриба.

Джози собралась с духом и подошла к шкафу. Может быть, ей все это померещилось? Она открыла дверцу.

– Тебе не мешало бы подкраситься, – посоветовала Делла Ли.

Джози приподнялась на цыпочки, сняла с верхней полки свой счастливый красный кардиган и захлопнула дверцу. Потом надела его и зажмурилась. «Сгинь, сгинь, сгинь».

Она снова открыла шкаф.

– Нет, я серьезно. Ресницы. Губы. Хотя бы немножечко.

Джози вздохнула. Наверное, кардиган еще не вошел в силу. Все-таки он пролежал в шкафу целое лето. Когда она вернется домой, Деллы Ли уже не будет. Стоило Джози надеть этот кардиган, как с ней начинали происходить замечательные вещи. Когда она отправилась в нем в парикмахерскую, ей сделали самую удачную стрижку в ее жизни. А когда она как-то раз в нем заснула, снег потом шел три дня кряду.

А еще он был на ней в тот день, когда она встретила Адама.

– Ну хоть глаза подведи! – не унималась Делла Ли.

Джози развернулась и вышла из комнаты.

* * *

Новая горничная Сиррини почти не говорила по-английски.

Ее наняли в этом году, после того как Маргарет сделали операцию на шейке бедра, – чтобы девушка помогала ей принимать ванну. Однако Хелена так и не научилась понимать, что, собственно, от нее требуется. Все время, пока Маргарет, лежа в ванне, играла в шарады, пытаясь втолковать служанке, что ей нужно мыло, та сидела на опущенной крышке унитаза, потупив глаза и нервозно ломая руки. Так что в конце концов эту обязанность пришлось взять на себя Джози.

Кроме того, предполагалось, что Хелена будет закупать провизию. Однако в первый же день, когда ее отправили в магазин со списком покупок, она два часа проплакала на крыльце, орошая слезами цветочные вазоны, в которых впоследствии необъяснимым образом буйно разрослись загадочные южноамериканские цветы. Так что и эту задачу тоже пришлось поручить Джози.

Теперь обязанности Хелены сводились к несложной работе по дому, приготовлению пищи и изучению английского посредством болтовни с Маргарет. Ее комната располагалась на первом этаже, и она с беспокойством высывалась из двери всякий раз, когда Джози отваживалась спуститься вниз после того, как все расходились по своим спальням.

Когда Маргарет с Джози вернулись домой от врача, со второго этажа доносилось гудение пылесоса. Это был добрый знак. Если Хелена занималась уборкой, значит она не видела в шкафу Деллу Ли.

Джози усадила мать в ее любимое кресло в гостиной, а сама поднялась наверх, где Хелена чистила пылесосом ковровую дорожку в коридоре.

Джози подошла к служанке и похлопала по плечу, чтобы привлечь ее внимание. Это ей определенно удалось: Хелена взвизгнула и бросилась бежать по коридору, даже не обернувшись, чтобы посмотреть, кто это. Забытый пылесос упал на пол и алчно присосался к бахромке на краю дорожки.

– Хелена, погоди! – крикнула Джози и бросилась за ней. Она нагнала горничную еще до того, как та успела добежать до конца коридора, выходящего на узкую черную лестницу. – Все в порядке! Это всего лишь я!

Хелена остановилась и обернулась.

– Олдси? – подозрительно спросила она, как будто ожидала увидеть кого-то другого.

– Я, я. Прости, я не хотела тебя напугать. У тебя все в порядке?

Хелена держалась за сердце и тяжело дышала. Она кивнула и поспешно вернулась к пылесосу. Она отключила его, потом присела и принялась вытаскивать из трубы зажеванную бахромку.

Джози последовала за ней.

– Хелена, – спросила она, – ты... э-э... убрала разбитую лампу в моей комнате?

– Я убрать. – Она поднялась, перекрестилась и поцеловала крестик, висевший на цепочке у нее на шее. – Комната Олдси сегодня странно.

– Странно? Ты видела что-нибудь... необычное?

– Не видеть, нет. Чувствовать. В комнате Олдси сегодня холод, – ответила та.

Джози вздохнула с облегчением.

– А, я с утра открывала окно, вот и все. – Она улыбнулась. – Можешь здесь не пылесосить. Мама внизу, в гостиной.

– Олдгрет вниз?

– Да. Маргарет внизу.

Ну вот, теперь эта парочка какое-то время будет занята друг другом и не станет соваться в комнату Джози. Маргарет любила наблюдать, как Хелена убирается. А Хелена, в меру собственных скромных возможностей, любила пересказывать последние сплетни, услышанные в восточной части города, где располагался католический клуб. Маргарет могла слушать о нем часами, чтобы потом придумывать, в чем баптисты могут их переплюнуть.

Хелена принялась сматывать шнур пылесоса, а Джози отправилась к себе в комнату. На завтрак ей пришлось удовольствоваться тем же, что всегда ела мать: скромной порцией овсяных хлопьев с черникой. Она бросила взгляд в сторону шкафа, и в животе у нее заурчало. Еда! Ее любимая еда!

Тайник располагался в соседней комнате. Там стоял огромный старинный гардероб, невероятно массивный и богато изукрашенный, – фамильная ценность семейства Сиррини. Он занимал большую часть стены и скрывал за собой еще один шкаф. Джози совершенно случайно обнаружила потайную дверцу между двумя шкафами, когда девчонкой как-то забралась в гардеробную, чтобы съесть припасенную в кармане конфету. В детстве она пряталась в тайнике от матери, чтобы заставить ту поволноваться, а теперь он был забит журналами, любовными романами и сладостями. Самыми разнообразными сладостями. Лунным печеньем и рулетами с пеканом, леденцами и карамелью, сливочными тянучками и грильяжем, трюфелями и помадками. Даже пахло тут уютно, как в Хеллоуин: сахаром, шоколадом и шуршащими целлофановыми обертками.

Джози разделась, бросила пальто и сумочку на кушетку и подошла к шкафу. Потом плотнее закуталась в свой счастливый красный кардиган, загадала про себя желание и открыла дверцу.

– Ваша прислуга зовет тебя и твою мать Олдси и Олдгрет? – со смехом поинтересовалась Делла Ли.

Неудивительно, что Деллу Ли это насмешило. Некоторым доставляло удовольствие называть Джози и ее мать сестрами Сиррини. Маргарет была уже в возрасте, когда у нее родилась дочь. Сейчас Джози было двадцать семь, и такое прозвище по сути означало, что она уже старуха; но, с другой стороны, ее таким образом приравнивали к Маргарет, которая была когда-то первой красавицей Болд-Слоупа, женщиной, которая захмутила самого Марко Сиррини, ныне покойного. Сопоставление было не из худших. Маргарет, впрочем, прозвище это не любила и не упускала случая пренебрежительно о нем высказаться. Она была хрупкая, светловолосая и утонченная, Джози рядом с ней казалась неотесанной чернявой толстухой. Сестры? Маргарет сказала бы: «У нас нет ничего общего».

* * *

Плечи Джози поникли.

– Просто чудо, что она тебя не заметила. Ты попадешься.

– Осталось уже недолго.

– «Недолго» – это сколько?

– Столько, сколько нужно. Может, несколько дней. Может, несколько недель.

– Я слышала, в «Холидей-инн» замечательные шкафы. Почему бы тебе не перебраться туда?

– Да, но ни в одном из них нет бесплатного автомата со сладостями, – возразила Делла Ли, и Джози поняла, что ее гостя, нахальная, с потекшей тушью и упрямая, будет сидеть в ее шкафу до тех пор, пока сама не решит уйти. – Как, ты не собираешься спорить?

– А что, мне это чем-то поможет?

– Ну, вдруг тебе от этого полегчает.

– Полегчать мне может только от одного. Прошу прощения.

Джози наклонилась и сдвинула в сторону потайную дверцу.

Делла Ли поспешно отступила в угол – на взгляд Джози, куда более демонстративно, чем это было необходимо, как будто боялась, что хозяйке взбредет в голову прикоснуться к ней. Джози взяла с полки красную жестяную коробку моравского печенья и упаковку кексов «Малло», подошла к столу и уселась. Она открыла коробку с печеньем и принялась медленно поглощать его, смакуя каждый кусочек.

Делла Ли какое-то время наблюдала за ней, потом отвернулась и, разлегшись на полу гардеробной, начала разглядывать одежду Джози. Она задрала обтянутую синими джинсами ногу и поворошила ею вешалки. Только в этот момент Джози впервые заметила, что на Делле Ли всего одна туфля.

– Значит, вот как живет Джози Сиррини, – подытожила наконец Делла Ли.

Джози, казалось, была всецело поглощена своим печеньем.

– Если тебе что-то не нравится, можешь уйти.

– Неужели ты весь день этим и занимаешься? Разве у тебя нет друзей? – спросила Делла Ли, качая головой. – Я и не знала, что у тебя такая жизнь. В детстве я завидовала тебе. Думала, у тебя есть все.

Джози не знала, что на это ответить. У нее в голове не укладывалось, что такая красавица, как Делла Ли, может ей завидовать. У нее не было «всего». У нее были только деньги. И она отдала бы их, до последнего гроша, вместе со всем остальным, что у нее было, до последней крупинки сахара, за то, чего ей хотелось больше всего на свете и чего ей никогда не суждено было получить.

Внезапно она склонила голову набок.

Точно по волшебству, она ощутила *его* приближение, это сосущее чувство под ложечкой. Оно походило на голод, только было острее, пронзительней. Оно было как предвкушение чего-то восхитительного. Предвкушение мороженого. Предвкушение шоколада. Предвкушение мягкой помадки, какой начиняют шоколадные батончики.

Значит, красный кардиган все-таки не перестал приносить удачу.

– Что случилось? – спросила Делла Ли, когда Джози отодвинула стул и подскочила к окну.

Он шел по дорожке, ведущей к дому. Сегодня он появился раньше обычного.

Дом Сиррини располагался в одном из старейших районов города. Когда Марко Сиррини заработал состояние на местном горнолыжном комплексе, он купил в районе, где всегда мечтал жить, дом, немедленно снес его и построил на этом месте новый – просторный, ярко-голубой, в викторианском стиле. Он сказал, что хочет иметь дом, который стоял бы особняком даже среди особняков. Ему хотелось, чтобы каждый, кто бы ни проходил мимо, говорил: «Здесь живет Марко Сиррини». Остальные дома в округе находились чуть в глубине от улицы, и только дом Сиррини, самый роскошный, самый дорогой среди всех, стоял

на виду, гордо красуясь, точно говоря: вот он я, дом, который построил сын бедных итальянских иммигрантов.

Адам должен был вот-вот появиться на крыльце.

Джози выскочила из комнаты.

Хелена и Маргарет болтали в гостиной. Джози спустилась по лестнице и заставила себя перейти с бега на шаг.

– Почта пришла! – сообщила она им.

Маргарет с Хеленой не стали отрываться от своего разговора, который звучал примерно следующим образом:

– Наоми О’Тул?

– Да, Олдгрет.

– Что, и она там была?

– Да, Олдгрет.

Джози открыла входную дверь, украшенную затейливыми витражными панелями из цветного стекла, и толкнула сетчатый защитный экран, не сводя глаз со ступеней крыльца, чтобы не пропустить миг, когда покажется *он*. Внезапно экран застрял, наткнувшись на что-то мягкое, и Джози, к собственному смятению, поняла, что ударила дверью Адама Босуэла – он возился с черным почтовым ящиком, прикрепленным справа от входа.

– Тише-тише! – с улыбкой произнес Адам. – Куда вы так спешите, Джози?

На нем была форма, предназначенная для холодного времени года; брюки прикрывали шрамы на правой ноге – он слегка прихрамывал. Адам был привлекательный, атлетически сложенный мужчина. С его круглого лица весь год не сходил смуглый загар – кожа казалась золотистой, словно какой-то теплый сияющий свет озарял лицо изнутри. Адаму было чуть за тридцать, и у него была какая-то тайна. Джози не знала, какая именно, просто чувствовала, что она есть.

Адам был не из здешних. Три года назад он впервые появился у нее на пороге с почтовой сумкой на плече, и с того дня она потеряла покой и сон. Горнолыжный комплекс с его знаменитыми своей крутизной спусками привлекал к себе массу любителей острых ощущений. Джози всегда задавалась вопросом, не они ли привели этого человека в их городок и не из-за них ли он осел в нем навсегда. Хотя ее мать продала комплекс почти сразу после смерти отца, Джози грела душу мыслью о том, что она имеет какое-то, пусть и весьма отдаленное, отношение к появлению в их городе Адама.

Она молча стояла на пороге и таращилась на него, и он вытащил из одного уха наушник своего айпода.

– Джози, у вас все в порядке?

Кровь тут же бросилась ей в лицо. Он был единственным человеком на свете, в чьем присутствии она теряла дар речи, и в то же время единственным, с кем ей по-настоящему хотелось бы поговорить.

– Прошу прощения, – выдавила она. – Я не знала, что вы уже здесь. Что-то вы рано сегодня.

– Почты было немного. Вам только вот это.

Он протянул ей каталог, который собирался опустить в почтовый ящик, когда она напододала ему дверью.

– Спасибо.

Он какое-то время смотрел на нее.

– У вас что-то прилипло, – он указал на ее губы, потом коснулся краешка собственного рта, – вот здесь.

Она немедленно провела пальцами по губам: к ним пристали крошки печенья. Смущенная, она смахнула их. Ну вот, теперь ей удалось блеснуть не только красноречием, но еще и опрятностью.

– Чудесный сегодня день, правда? – спросил он и вдохнул полной грудью. В холодном осеннем воздухе пахло прелой опавшей листвой и самыми стойкими из поздних цветов, уже прихваченных первыми заморозками. – Люблю осень.

Джози застыла, не отрывая пальцев от губ, словно загипнотизированная.

– И я тоже.

– Хочется выкинуть что-нибудь этакое, правда? – ухмыльнулся он. – Например, выйти из дома и... резвиться среди деревьев.

Эти слова рассмешили Джози. Адам посмотрел на нее с каким-то непонятным выражением. Как будто она его удивила.

– Ладно, до встречи, – произнес он наконец.

– Угу, – кивнула она. – Счастливо, Адам.

Она затаила дыхание (у нее была такая примета) и не дышала, пока он не спустился с крыльца и не перешел дорогу. Как только он оказался на другой стороне улицы и покинул ее мир, она вернулась в дом и вошла в гостиную. Хелена вытащила гладильную доску и готовилась гладить платье Маргарет.

– Сегодня принесли только каталог, – сказала Джози. – Я заберу его к себе, ладно?

– Постой-ка. – Маргарет прищурилась и с ног до головы окинула дочь взглядом. – Ты что, ездила к врачу в этой кофте?

О нет. Она же хотела снять кардиган, когда приехала.

– Да, – сказала она, потом поспешно добавила: – Но я не снимала пальто.

– Джози, я же еще в прошлом году просила тебя выбросить эту кофту. Ее столько раз стирали, что она села.

Джози попыталась улыбнуться.

– Но она мне нравится.

– А я говорю, что тебе нужно найти что-нибудь по размеру. Я знаю, ты обожаешь свои каталоги. Подыщи себе что-нибудь размером побольше. К тому же красный цвет тебе совершенно не идет. Вот я в твоём возрасте носила красное, но я же блондинка. Попробуй белое. Или черное.

– Хорошо, мама.

Джози развернулась и вышла из гостиной. Она поднялась к себе в комнату, уселась за стол и уставилась взглядом в стену. Потом машинально потянула за край кардигана.

– Ну и кто же он? – осведомилась из шкафа Делла Ли.

– Кто?

– Тот мужчина, к которому ты так спешила.

Джози немедленно выпрямилась. Она положила каталог на стол и раскрыла его, совершенно изумленная. Откуда эта нахалка обо всем узнала?

– Я не понимаю, о чем ты.

Делла Ли молчала, пока Джози грызла печенье и делала вид, что рассматривает каталог.

– Тебе кажется, что он завладел твоим сердцем, да? – произнесла она наконец. – Протянул руку и вытащил его из твоей груди. И бьюсь об заклад, он улыбается с таким видом, как будто ни о чем не подозревает, как будто понятия не имеет, что держит твое сердце в своих руках и что ты не можешь без него жить.

Никогда еще Джози не приходилось слышать ничего более верного, более метко сформулированного и более печального. Это было сродни впечатлению от церковного песнопения, когда слышишь его в первый раз, – это потрясение, это страх от того, что, оказывается,

вопреки всем твоим убеждениям кто-то способен заглянуть тебе в душу. Джози недоверчиво покосилась на Деллу Ли.

– Ты удивляешься, откуда я знаю. Такие уж мы, девушки: когда мы любим, то отдаем все, что у нас есть. Ну так кто он?

– Так я тебе и сказала.

Делла Ли подалась вперед.

– Честное слово, я никому не расскажу, – произнесла она подкупающим тоном.

– Угу, и мы обе знаем, чего стоит твоё честное слово.

– Прекрасно. Расскажешь, когда созреешь. Знаешь что, а ведь я могу тебе помочь.

Точно, так я и сделаю. Я тебе помогу.

Делла Ли отклонилась обратно. Джози обдало запахом табака и речной тины.

– Ты не в том положении, чтобы кому-то помогать. Что с тобой случилось, Делла Ли?

У тебя такой вид, как будто ты до сих пор не обсохла.

Делла Ли оглядела свой наряд, коснулась безжизненных, прилипших к голове волос.

– А, я и забыла, – сказала она. – Я тут немного искупнулась.

– Ты купалась в реке в такое время года? – поразилась Джози.

– Тогда эта идея показалась мне удачной. Вроде как последняя глупость перед тем, как уехать на север. – Делла Ли пожала плечами. – Что-то вроде искупления.

– Искупления чего?

– Много чего. Послушай, будь другом, съезди в закусочную в здании суда. Она в холле на первом этаже, напротив лифтов. Ее держит одна девушка, Хлоя Финли, она тебе понравится. Она такие сэндвичи с помидором и тремя сортами сыра делает – пальчики оближешь. Привези мне штучку, ладно?

Перед глазами у Джози все еще стояла Делла Ли, окунаящаяся в холодные воды реки Грин-Коув в соответствии с ее представлениями о духовном очищении, и потому столь резкая смена темы застала ее врасплох.

– Ты что, хочешь, чтобы я поехала тебе за сэндвичем прямо сейчас?

– А что?

– А то, что в половине первого мы с мамой обедаем. Потом приедет наш финансовый консультант, мне нужно присутствовать. Потом я должна буду искупать маму и уложить в постель.

– Ну тогда завтра, – нимало не смутившись, сказала Делла Ли.

– Завтра я везу маму на маникюр и педикюр.

– А в четверг?

– В четверг у мамы заседание дамского клуба.

– Ничего удивительного, что у тебя столько путеводителей. Представляю, с какой скоростью ты рванешь отсюда, если тебе когда-нибудь удастся выбраться из этого беличьего колеса.

– Никуда я не рвану, – возмутилась Джози, потому что хорошим дочерям не полагалось уезжать от своих матерей. И кому какое дело, что она мечтает об этом каждый божий день. – А вдруг мне нравится такая жизнь? Такое тебе в голову никогда не приходило?

Делла Ли фыркнула.

Джози накрыла коробку из-под печенья крышкой, поднялась и поставила ее вместе с недоеденным пакетом кексов обратно в шкаф.

– Можешь есть все, что найдешь. Некогда мне кататься тебе за сэндвичами.

– Нет, спасибо. Я подожду.

– Долго ждать придется.

Делла Ли рассмеялась:

– Дорогуша, чего-чего, а времени у меня навалом.

Глава 2

Сладкие пастилки

Почти сто лет городок Болд-Слоуп¹ влачил жалкое существование, оживая лишь на летние месяцы, когда в него стекались измученные жарой богачи из северокаролинского Пидмонта.² Каждый год с наступлением холодов город впадал в спячку, летние домики и большая часть магазинов в центре стояли заколоченные. Местные жители перебивались овощами, которые заготавливали впрок, и деньгами, которые удавалось скопить за лето. К тому времени, когда сходил последний снег, они успевали изголодаться и ослабеть и с нетерпением ожидали возвращения отдыхающих.

Марко Сиррини катался на лыжах на северном склоне местной горы еще мальчишкой. Лыжи были старенькие, привезенные его отцом из Италии. Никто не знал, откуда взялось семейство Сиррини; они просто появились в городе в самый разгар зимы, приметные своими черными волосами, сияющими, точно угли на снегу. Они так и не смогли влиться в здешнее общество. Марко, впрочем, пытался. Зимой он водил стайки местных мальчишек в горы, учил их мастерить самодельные лыжи и кататься на них со склонов. За науку он брал с них мелочью, банками консервированных бобов и пряной красной капусты, которые они втихомолку таскали из скудных родительских запасов. Когда ему исполнилось девятнадцать, он решил, что пора двигаться дальше. Он пробудит Болд-Слоуп от зимней спячки! Дерзкий, не боящийся никакой работы и красивый той загадочной средиземноморской красотой, которая так отличала его от сдержанных горцев, он нашел инвесторов аж в самом Ашвилле и в Шарлотте, купил участок земли и собственноручно взялся за строительство лыжной базы, не обращая внимания на насмешки горожан. Они упорно цеплялись за сливки, картофель и давным-давно забытые баллады своих английских, ирландских и шотландских предков, некогда переселившихся в Южные Аппалачи. Их и так все устраивало. Перемены им были не нужны. На строительство ушло пятнадцать лет, но в конце концов горнолыжный комплекс «Лысый Косогор» все же был завершен и, к всеобщему изумлению, мгновенно стал пользоваться популярностью.

Перемены оказались к лучшему!

Теперь лавки не нужно было закрывать на зиму. Точно грибы после дождя, начали возникать пансионаты, спортивные магазины и рестораны. Владельцы летних домиков, которые прежде вынуждены были заколачивать их на зиму, стали сдавать их любителям горных лыж. Некоторые дачники даже решили обосноваться в Болд-Слоупе насовсем и перебрались в свои летние дома с верандами и раскидистыми деревьями, основав таким образом местное высшее общество, которое сохранилось и по сей день. Самого Марко с радостью приняли в это круглогодичное общество, которое, в конце концов, своим появлением было далеко не в последнюю очередь обязано ему. Теперь о происхождении Сиррини никто не вспоминал. Значение имело лишь то, что он спас Болд-Слоуп, обеспечив ему зимнюю популярность, и за это ему прощалось все.

Теперь город принадлежал ему.

¹ В переводе с английского – Лысый Косогор.

² *Пидмонт* – предгорное плато, окаймляющее восточный край Аппалачей.

* * *

Джози притормозила перед маленьким желтым бунгалом и сверила номер на почтовом ящике с адресом, который с утра переписала из телефонной книги. Номер совпадал. Она наклонилась вперед и посмотрела на дом через лобовое стекло. Краска на стенах казалась свежей, окна были чисто вымыты. Впрочем, до маленького дворика руки у Деллы Ли явно не доходили с самого лета. Вдоль дорожки, ведущей к крыльцу, до сих пор торчали фигурки гномов и искусственные цветы, перед домом стоял забытый пластмассовый шезлонг, усыпанный красными в черную крапинку листьями, нападшими с кустов кизила.

Джози подогнала большой золотистый «кадиллак» – идея купить его принадлежала ее матери – к обочине и заглушила двигатель.

Этот рабочий район был ей относительно знаком: в детстве они с отцом проезжали мимо него во время своих воскресных прогулок. Джози жила от одной такой прогулки до другой, лишь в эти несколько часов она вела себя спокойно. Все остальное время она беспрестанно конфликтовала с матерью, теперь и сама не понимала из-за чего. Ну почему она была таким несносным ребенком? Что на нее находило? Мама определенно заслуживала лучшего. Однако во время этих поездок с отцом Джози утихомиривалась и слушала рассказы Марко. О Болд-Слоупе он знал все, изучил окрестности как свои пять пальцев. Когда родилась Джози, ему было уже под семьдесят, он был фигурой, в городе признанной, – богатым, седовласым и импозантным. Его отец работал трубочистом, и Марко, чтобы помочь ему, бросил школу в шестом классе. Он любил рассказывать Джози, как мальчишкой стоял на крыше, разглядывал чужие дома и мечтал обзавестись собственным, самым высоким в округе, чтобы никто не мог смотреть на его крышу сверху вниз, не говоря уж о том, чтобы смотреть свысока на него самого.

Когда Джози исполнилось девять, Марко умер, и его смерть стала для девочки переломным моментом. На нее словно вылили ушат холодной воды. Теперь у нее не осталось никого, кроме матери, а она так отвратительно с ней обращалась. Тогда она и дала себе слово, что загладит свою вину перед Маргарет, даже если на это уйдет вся ее жизнь. В тот день, когда умер отец, Джози впервые прикусила язычок, впервые приняла критику и не огрызнулась в ответ и впервые поняла, как сложно ей будет изменить впечатление, которое у окружающих сложилось о ней по ее детским выходкам. Почти двадцать лет спустя она все еще не оставила этих попыток – повлиять на людское мнение.

Джози собралась с духом и вышла из машины.

Ей удалось улизнуть от матери после того, как она отвезла ту в салон красоты. Обычно Джози дожидалась ее там, болтая с пожилыми дамами и сочувственно поддакивая в ответ на их сетования по поводу ишиаса и артрита. Но сегодня мать напомнила ей, что нужно забрать мятное масло – Маргарет заказывала его у Новы Берри, чудаковатой женщины, семье которой принадлежал магазинчик экологических товаров. Их собственные запасы подходили к концу, и вообще, пороги их жилища были окроплены явно недостаточно, иначе каким образом Делле Ли удалось проникнуть в дом?

Джози отправилась за маслом, но оказалось, что Нова еще не успела его приготовить. Она попросила Джози заехать через несколько дней, а потом в очередной раз повторила, как волшебным образом выглядит на ней красный цвет. Это Джози всегда была рада слышать, пусть даже Нова, скорее всего, и говорила так с расчетом сбыть ей красный вязаный шарф или такую же шапку. Выходя из магазина, Джози собиралась просто прокатиться мимо дома Деллы Ли, ни на что другое у нее не было времени. И все же... Та сидела у нее в шкафу вот уже два дня, а Джози ни на шаг не приблизилась к разгадке, что она там делает и каким образом выкурить ее оттуда так, чтобы весь мир не узнал о ее сокровенных запасах. Быть может, она найдет в

доме Деллы Ли что-нибудь такое, что даст ей возможность торговаться. Быть может, Делле Ли тоже есть что скрывать.

Ничто не способно так разнообразить скучный день, как небольшой взлом с проникновением.

Джози двинулась по двору, стараясь, чтобы это не выглядело так, будто она крадется. Под ногами у нее шуршали опавшие кизилловые листья. Она поднялась на крыльцо и с удивлением обнаружила, что дверь открыта, хотя день был прохладный. Выходит, Делла Ли живет не одна?

Джози подняла руку, чтобы постучать, но заколебалась. Какое-то время она нерешительно стояла, держа на весу сжатый кулак, потом все же стукнула в сетчатую дверь.

Никто не отозвался.

– Есть тут кто-нибудь? – позвала она.

Даже с крыльца она чувствовала спертый, душный, горячий запах, как будто кто-то передержал в сушильной машине старое белье. Отопление жарило на полную мощность.

И снова никто не отозвался. Джози подумала, что Делла Ли могла собираться в спешке и оставить дверь открытой. Все страньше и страньше.

Она оглянулась, чтобы убедиться, что никто за ней не наблюдает, потом открыла сетчатую дверь и вошла в дом.

Внутри царил беспорядок. Повсюду были разбросаны банки из-под пива, на полу валялись осколки чашки, а на дальней стене темнело кофейное пятно, как будто кто-то запустил чашкой в стену. Довершал картину разгрома перевернутый стул.

Джози сделала несколько шагов, наподдав ногой пивную банку и что-то похожее на оторванный рукав женской джинсовой рубашки, но вдруг застыла как вкопанная. Коже головы под волосами стало горячо, сердце заметалось в груди ошпаренной кошкой.

На диване спал какой-то мужчина.

Несколько секунд Джози стояла неподвижно, парализованная страхом. Вдруг она передвигалась недостаточно тихо и разбудила его?

Мужчина совершенно определенно был из тех, кого лучше не будить.

Он был без рубашки и в расстегнутых джинсах, одна его рука наполовину скрывалась в недрах ширинки. На губах застыла самодовольная улыбка, как будто он даже во сне был уверен, что все женщины вокруг умирают от любви к нему, потому что он завладел их сердцами и спрятал в таком месте, где им ни за что не найти.

Его мускулистый торс свидетельствовал о том, что он проводит немало времени в спортзале. У него были выступающие скулы и длинные и прямые темные волосы. От него пахло алкоголем и чем-то еще, чем-то таким, как будто подожгли розовый куст. Запах был приятный, но терпкий и какой-то порочный, и у Джози закружилась голова, словно она готова была вот-вот ее потерять.

И тут ее осенило.

Так вот почему Делла Ли сбежала из дому!

Она явилась сюда в поисках компромата на Деллу Ли и вот что обнаружила. Джози попятилась, испытывая жгучий стыд. Лучше ей убраться поскорее. И сделать вид, что она ничего не знает.

Однако какая-то неясная сила остановила ее. Джози ощутила некую связь с Деллой Ли, связь, которую сама не могла объяснить. Она почувствовала эту женщину, с головой окунувшись в ее несчастливую жизнь, как будто в свою собственную. Она была такой знакомой, эта убежденность, что ничего все равно не изменится, ни к чему и пытаться.

Что ж, может быть, если Делле Ли станет известно то, что узнала Джози, это ей поможет. Помешает вернуться к этому... к этому хищнику.

Джози повернула голову и увидела небольшой коридорчик.

Она отступила еще на несколько шагов назад, не сводя глаз с лица спящего мужчины, чтобы не пропустить, если он вдруг шевельнется, затем развернулась и на цыпочках двинулась по коридору, обходя кучки грязной одежды. На стенах висели покосившиеся фотографии Деллы Ли в детстве. У нее были темные волосы и темные глаза. Интересно, когда она начала краситься в блондинку? На одном из снимков она была запечатлена на вершине сетки для лазания. На другом готовилась нырнуть в бассейн с высокого трамплина. На лице у нее было прямо-таки написано: попробуй подойди.

Спальня Деллы Ли, расположенная в конце коридора, оказалась воплощением подростковых грез Джози. Как-то раз она вежливо попросила у матери разрешения украсить стены плакатами, на окна повесить пестрые занавесочки, а кровать застелить покрывалом с сердечками. Мать была крайне недовольна. Что за странные прихоти? Чем ей не нравится то, что у нее уже есть? Массивная дубовая кровать, старинный письменный стол и обитая замшей кушетка – Прекрасные Вещи. Джози, по всей видимости, Прекрасных Вещей не ценила.

Стены в комнате Деллы Ли были выкрашены в лиловый цвет, а на единственном окне висели прозрачные лавандовые занавески. Одну из стен украшал плакат с изображением персидской кошки, рядом с ним были наклеены вырванные из модных журналов страницы. На белом туалетном столике в беспорядке разбросаны тюбики и флакончики с разнообразной косметикой. Рядом в углу кучей валялись сумки с эмблемами косметических компаний, из тех, что дают в отделах косметики в подарок при покупке.

Джози взяла несколько штук сразу и принялась один за другим выдвигать ящики, пока не нашла тот, где хранилось белье и носки. Она набила одну сумку под завязку, потом сложила в другую косметику со столика.

С гулко бьющимся сердцем она подошла к шкафу и начала снимать с вешалок одежду, стараясь производить как можно меньше шума. Затем присела подобрать что-нибудь из обуви. Обувь была двух совершенно разных видов: заляпанные жиром и едой кроссовки, которые Делла Ли, по всей видимости, носила на работу, и кожаные сапоги и босоножки на каблуках – в них она, должно быть, щеголяла по вечерам. Джози выбрала по две пары из каждой категории. Она уже собиралась встать, как вдруг заметила в углу шкафа картонную коробку. Поверх были стопкой сложены свитера, а на боку виднелась сделанная зеленым фломастером надпись «личное».

Джози на четвереньках подползла к коробке и сдвинула свитера в сторону. Внутри оказались десятки старых блокнотов, кипы писем и фотографии. И еще несколько украшений, совсем простеньких, завернутых в пожелтевшую папиросную бумагу. Там же обнаружился школьный выпускной альбом с вытисненным на обложке именем Деллы Ли. Внутри, сложенное пополам, хранилось ее свидетельство о рождении.

Из гостиной неожиданно донесся какой-то шум. Джози оглянулась и случайно задела пальто, висевшее прямо над ней. Одно плечо съехало с вешалки, и она пугающе накренилась, угрожая свалиться совсем. Мужчина в гостиной вздохнул, потом до Джози донесся скрип диванных пружин.

Потом звук шагов в коридоре.

Все тело Джози напряглось, она целиком обратилась в слух, пытаясь определить, что делает мужчина. Она не сразу поняла, что он отправился в уборную, располагавшуюся прямо за стенкой шкафа.

Железная вешалка продолжала раскачиваться у нее над головой, негромко поскрипывая. Если пальто соскользнет, вешалка ударится о стену и он непременно услышит. Джози не сводила с нее умоляющего взгляда, шепча про себя молитвы.

Послышался звук сливаемой воды, и он, шаркая, вышел в коридор. Шаги у него были медленные, сонные.

Диванные пружины вновь заскрипели.

Все затихло.

Джози ждала, пока мышцы у нее не начали дрожать от напряжения, которого требовало долгое пребывание в одном и том же неудобном положении, потом выбралась из шкафа с коробкой в руках. С трудом разогнувшись, она подхватила сумки, подошла к двери спальни и выглянула наружу, затем медленно двинулась по коридору, но остановилась перед поворотом в гостиную.

До нее доносилось его дыхание.

Но было ли оно достаточно размеренным, чтобы можно было утверждать, что он снова уснул?

Джози собралась с духом и переступила порог гостиной.

И чуть не выронила свою ношу.

Он сидел на диване!

Но тут она увидела, что голова его покоится на подушках. Он заснул сидя. В пепельнице на кофейном столике перед ним еще дымился догоревший почти до фильтра окурок сигареты. Рядышком лежала потертая кожаная сумочка, из которой торчал глянцево-лиловый бумажник с белой буквой «Д».

Документы были бы Делле Ли очень кстати.

Дрожа, Джози преодолела несколько шагов, отделявших ее от сумочки. Ей пришлось наклониться, одновременно держа две сумки и коробку, чтобы аккуратно вытащить бумажник.

Она бесшумно отступила к выходу, бедром толкнула сетчатую дверь, до последнего не сводя глаз со спящего.

Потом она попыталась локтем придержать сетчатую дверь, чтобы та не стукнула, но было уже слишком поздно. Дверь с грохотом захлопнулась.

Джози слетела с крыльца. В доме было так жарко, что, очутившись на свежем воздухе, она почувствовала себя так, будто нырнула в холодную воду. Взмокшие волосы на затылке немедленно заохлодели шею, и по коже побежали мурашки. Джози остановилась у обочины, опустила вещи Деллы Ли на землю у машины, выудила из кармана пальто ключи и одним нажатием кнопки открыла багажник – в ту самую минуту, как сетчатая дверь хлопнула во второй раз и на крыльце показался длинноволосый красавец.

– Эй! Что вы тут делаете? – окликнул он ее.

Голос у него был мелодичный, и ветер донес его до Джози, точно подарок. Она даже на миг замерла и обернулась к нему. Он, как прирожденный обольститель, немедленно понял, что она попалась.

– Ну-ка... – Красавец хищно улыбнулся и двинулся по ступенькам к ней. Он эффектно потрянул головой и отбросил свои длинные темные волосы за плечи. – Да вы никак только что побывали в моем доме?

Где-то рядом каркнула ворона, предвестница опасности, и Джози вздрогнула. Высвободившись из-под его чар, она быстро побросала вещи в багажник и захлопнула крышку.

Поспешно она забралась в машину и под взглядом стоящего на тротуаре красавчика отъехала от обочины в своем самом большом и самом золотом «кадиллаке» на всем юго-востоке, а красавчик стоял на тротуаре и смотрел ей вслед.

Когда на ближайшем светофоре она свернула и набрала скорость, он все еще маячил на том же месте, мрачный, точно цыганское проклятие.

* * *

После того как вечером мать была уложена в постель, ее маленькие изящные ступни намазаны кремом, пахнущим лимонным пирогом, на прикроватном столике приготовлены

снотворное и вода, Джози крадучись спустилась по лестнице и подошла к машине. Она была босиком, и ледяная брусчатка заставляла ее поджимать пальцы, но так было тише.

Впрочем, это не помешало Хелене выглянуть из своей комнаты, когда Джози проходила мимо нее с вещами Деллы Ли.

– Все в порядке, Хелена. Ложись.

Голова служанки исчезла за дверью.

Джози принесла вещи в свою комнату, открыла дверь шкафа и поставила сумки и коробку перед Деллой Ли.

– Что это? – удивилась та и отложила в сторону зачитанный до дыр журнал из запасов Джози.

С тех пор как они в последний раз виделись, она успела умыться, так что потеки туши вокруг глаз исчезли. И каким только образом она ухитрилась проделать это так, что никто ничего не заметил? Ни полотенце, испачканных косметикой, ни шума воды, бегущей по трубам, пока Джози с матерью и Хеленой смотрели телевизор вниз.

Джози улыбнулась. Весь день она с трудом сдерживалась, дожидаясь, когда мать наконец уляжется.

– Сюрприз! Я съездила к тебе домой!

– Куда-куда?!

Джози присела на корточки и открыла одну из сумок.

– Смотри. Я привезла тебе кое-какие вещи. Тут твоя одежда и косметика, а вот твой бумажник. И еще коробка. Мне показалось, она из тех вещей, которые не бросают.

Делла Ли покачала головой, сначала медленно, потом быстрее и быстрее.

– Я просила тебя привезти мне сэндвич, а не забраться ко мне домой!

– Я сделала это, чтобы тебе не пришлось возвращаться туда. Сказала бы лучше спасибо!

– Ну разумеется, я не стану туда возвращаться! – Делла Ли не сделала никакой попытки приблизиться к вещам, наоборот, забилась в темное чрево шкафа. – Джози, избавься от этого хлама. И побыстрее! Никто не должен знать, что они у тебя.

– Тише! А то мать услышит, – шикнула на нее Джози. – И они не у меня. Они у тебя. Никто ничего не узнает.

Глаза Деллы Ли скользнули с Джози на коробку и сумки, потом вернулись обратно.

– Джулиан все еще там?

– Длинноволосый мужчина? Он спал на диване, засунув руку в штаны. Он что, все время так спит? Вот приснится ему дурной сон, еще повредит себе что-нибудь.

– Но ты его видела, – уточнила Делла Ли, пропустив мимо ушей столь небрежный отзыв.

– Да, видела.

– Тогда ты понимаешь.

Джози сглотнула.

– Да.

– Скотина! Какого черта он торчит в моем доме? Этот дом принадлежал еще моей матери. Интересно, что с ним теперь будет?

– Ну, – произнесла Джози, – если ты твердо решила уехать, можно его продать.

Делла Ли улыбнулась, как будто услышала понятную только ей одной шутку.

– Продать. Точно. Так я и сделаю.

– Я могу помочь тебе.

Улыбка Деллы Ли угасла.

– Джози, ты должна пообещать мне не делать так больше. Не ездь к нему. Не связывайся с агентами по недвижимости. И никому не рассказывай про меня. Пообещай мне!

– Ладно, ладно. Обещаю.

– Я просто не верю, что ты осмелилась на такое ради меня.

Делла Ли нерешительно протянула руку к коробке, как будто не была до конца уверена, что она настоящая. Коснувшись пальцами картона, она удивленно рассмеялась.

– Когда ты поедешь на север, тебе понадобятся твои вещи.

Делла подтянула коробку к себе. Картон со скрипом поехал по деревянному полу.

– А, я поняла. – Она открыла крышку. – Ты пытаешься избавиться от меня, потому что я знаю про твою заначку.

– Ну, и поэтому тоже, – согласилась Джози.

– Джози! – послышался из коридора голос матери.

Джози обернулась.

– Никто еще не делал для меня ничего подобного. Знаешь, может, я смогу оставить эти вещи себе. – Делла Ли внезапно схватила сумки и прижала их к себе. – Мои вещички! – Она залилась смехом. – Мои вещички, мои вещички, мои вещички. Я уж и не думала, что увижу их снова. Послушай, можно мне побыть одной?

Джози поколебалась, потом поднялась на ноги.

– Закрой дверь, хорошо? И не забудь съездить в суд, к Хлое, купить мне сэндвич. – Делла Ли вытащила из сумки блузку, прижала к лицу и вдохнула ее запах. Она нахмурилась, потом снова обнюхала блузку. – Странно. Пахнет не так, как я помню.

Делла Ли потянулась за другой блузкой, и Джози закрыла дверь.

Она покачала головой. Если бы Делла Ли была конфетой, то непременно кисло-сладкой карамелькой. Не твердой, как камень, о которую можно сломать зубы, а с вязкой начинкой, которую нужно усердно жевать, пока слезы не брызнут из глаз, а губы против воли не растянутся в улыбку.

– Джози! – нетерпеливо повторила Маргарет.

Джози быстро развернулась и поспешила к матери.

* * *

Приняв снотворное, Маргарет любила рассматривать одну свою фотографию, потому что после этого ей иногда снился *он*. На снимке ей был тридцать один год, но выглядела она намного моложе. Так было всегда – до самого последнего времени. Теперь, глядя в зеркало, она видела незнакомку. Из зеркала на нее смотрела не юная красавица с фотографии, а старуха, тщившаяся быть красивой, с сухой кожей и морщинами словно трещины. Роскошно одетое сушеное яблоко.

Когда-то давно, в молодости, еще до того, как было сделано это фото, она решила, что здесь, в Болд-Слоупе, будет счастливее, чем в своем родном Ашвилле. Это был шанс оказаться подальше от ее родных с их притязаниями. Когда она выходила замуж за Марко, ей было всего двадцать три. Их брак устроил ее отец. Марко был почти на двадцать четыре года ее старше, зато у него имелись деньги и бездна обаяния, к тому же он не горел желанием иметь детей, так что этот вариант показался ей приемлемым. Маргарет получила то, чего хотела она: возможность уехать подальше от родных и не присматривать больше за младшими братьями и сестрами, а ее семейство – то, чего хотели они: деньги. Но она и не подозревала, как одиноко ей будет в этом странном холодном городке с его готической архитектурой и культурой, направленной исключительно на то, чтобы залучить в город приезжих, от которых зависело выживание. Очень скоро она поняла, что Марко нужны были всего лишь красивая кукла в жены да ее громкая южная фамилия. Она сама его не интересовала. Но когда ей исполнился тридцать один, на один краткий восхитительный год она вырвалась из плена одиночества. Она была счастлива в первый и единственный раз на своей памяти.

Снимок сделали на каком-то светском пикнике, и ему на фотографии находиться было не положено. Рядом с ней его запечатлели совершенно случайно. Много лет назад она разрезала фотографию пополам, решив, что правильнее будет с корнем вырвать этого человека из своей жизни. Но на снимке осталась его рука, рука молодого мужчины, едва касающаяся ее руки. И мужчина этот был не ее муж.

Она слышала, как расхаживает у себя по комнате Джози. Дочь разговаривала сама с собой; началось это совсем недавно, и Маргарет не знала, стоит ей беспокоиться по этому поводу или нет. Сегодня Джози слишком уж долго ездила за мятным маслом, тем более что Нова Берри не успела его приготовить. Значит, дочь занималась чем-то другим. При мысли о том, что у Джози появились какие-то свои дела, и притом за пределами дома, Маргарет стало неуютно. Она, Маргарет, отказалась от всего ради этой жизни, ради этого дома, ради этих денег. И ее дочь тоже должна.

Из комнаты Джози донеслось какое-то шуршание, как будто что-то волоком протащили по полу.

– Джози! – крикнула она, пряча фотографию под подушку.

Прошла минута, но никто не отозвался.

– Джози! – крикнула она снова.

Вскоре Джози постучала в дверь и вошла в спальню. Маргарет понимала, что матерью она была неважной, но ей почему-то было бы легче простить дочь за ужасное поведение в детстве, за все сломанные ею дорогие вещи, за все ее дикие выходки, за полученные по ее милости синяки и ссадины, не будь она так похожа на своего отца. На Марко, который раз в неделю вывозил Джози на прогулку, потому что его заставляла Маргарет. Где он был все остальное время, когда негодница вопила как резаная или била дорогой фарфор? Первые девять лет жизни Джози Маргарет была в состоянии лишь смотреть на свою дочь, на эту скверную, избалованную девчонку, и вопрошать себя, не наказание ли это за ее грехи. Она родила Джози со злости и отчаяния, так что, наверное, получила по заслугам. Но Марко-то мог делать что хотел, и до свадьбы, и после нее, и жил припеваючи. Мужчинам всегда проще.

– Что такое, мама? Тебе что-нибудь нужно?

– Что ты делаешь у себя в комнате? Я слышала какой-то скрежет.

– Я сидела за столом, – сказала Джози, – и отодвинула стул. Все, я уже ложусь. Больше не буду шуметь.

– Ладно, – проронила Маргарет, и Джози двинулась к выходу. – Джози!

– Что, мама?

– Ты выбросила ту кофту, о которой мы с тобой говорили?

– Да, мама.

– Не подумай, что я к тебе придираюсь. Просто она тебе не идет.

– Да, мама, – повторила Джози.

Но правда заключалась в том, что этот красный кардиган изумительно шел ее дочери. И всякий раз, когда она его надевала, Маргарет становилось страшно.

Потому что Джози вступала в пору своего расцвета.

Маргарет проводила дочь взглядом.

Она была красавицей, первой красавицей здешних мест.

Маргарет снова вытащила тот давний снимок.

Только вот было это целую вечность назад.

Глава 3

Леденцовые карамельки

На следующее утро на другом конце города Хлоя Финли буравила взглядом дверь своей квартиры.

За дверью в коридоре стоял ее парень, Джейк.

Происходящее не укладывалось у нее в голове. Она только что выгнала Джейка, после того как он признался, что изменил ей.

Потрясенная, она развернулась... и немедленно споткнулась о лежащую на полу книгу.

Хлоя опустила глаза и вздохнула. Чего-то в этом духе она и ожидала. Нравилось ей это или нет, но книги всегда появлялись, когда она нуждалась в них. После знакомства с Джейком она стала меньше читать, и за последние пять лет, с тех самых пор, как они съехались, книги появлялись все реже и реже. Когда же они все-таки возникали, она игнорировала их. Как, скажите на милость, объяснить подобные вещи? Книги, появляющиеся из ниоткуда? Она всегда боялась, что Джейк примет ее за сумасшедшую.

Она очень хорошо помнила, как это произошло с ней впервые. Единственный ребенок, росший на отдаленной ферме у своих прадеда с прабабкой, она часто маялась от скуки. Когда она перечитала все имевшиеся в наличии книги, стало еще хуже. Однажды, когда ей было двенадцать, она бродила вдоль ручья у полосы деревьев на границе их участка, удрученная и обиженная на весь белый свет, как вдруг увидела прислоненную к стволу ивы книгу.

Она подошла и подняла находку. Книга была такая новая, что корешок захрустел, когда Хлоя раскрыла ее. Это оказался самоучитель карточных фокусов.

На всякий случай она подала голос, несколько раз окликнула неизвестного владельца книжки. Никто не отозвался, так что она решила, что не будет никакого вреда, если она заглянет в книгу, и уселась под деревом. Она читала до темноты и, когда прабабушка позвала ее домой, хотела взять книжку с собой, но понимала, что не должна поступать так. Ведь хозяин книги непременно ее хватится. Поэтому она неохотно оставила книгу под деревом и побежала домой, пытаясь не позабыть ничего из прочитанного.

После ужина Хлоя вытащила из ящика на кухне колоду карт и отправилась к себе в комнату, чтобы попытаться повторить какой-нибудь фокус. Но, как она ни билась, без картинок ничего не выходило. Она со вздохом собрала карты, разложенные на полу, поднялась и вдруг увидела книгу – ту самую, которую оставила под деревом у ручья, – на тумбочке у своей кровати.

Поначалу она считала, что это прадед с прабабкой устраивают ей сюрпризы. Она находила книги у себя на кровати, в шкафу, в своих любимых тайничках по всей ферме. И каждый раз это оказывались книги, которые в тот момент были ей нужны. Книги об играх или приключенческие романы, когда ей бывало скучно. Книги о взрослении, когда она стала старше. Однако когда прадед с прабабкой подступили к ней с вопросами, откуда она взяла деньги на все эти книги, Хлоя поняла, что они здесь ни при чем.

На следующий же день она обнаружила у себя под подушкой руководство по устройству тайников. Это было именно то, в чем она нуждалась, – совет, как спрятать ее книги.

С тех пор она смирилась с этим. Книги любили ее. Книги хотели о ней заботиться.

Она медленно подняла книгу с пола. На обложке значилось: «Искусство прощения».

Хлоя долго смотрела на книгу, чувствуя, как внутри у нее что-то закипает. Она не сразу поняла, что это гнев. Книги хороши, когда хочешь развлечься занимательной историей или научиться карточным фокусам, но что они представляют собой на самом деле? Это ведь просто бумага, нитки и клей. Они пробуждают эмоции, поэтому люди чувствуют родство с

ними. Но сами книги не способны испытывать эмоции. Им неизвестно, что такое предательство. Им не дано испытывать боль.

Да что они вообще могут знать о прощении?

Она отправилась на кухню, сунула книгу в холодильник и захлопнула дверцу, потом опустилась на пол. Утром она проснулась оттого, что Джейк покрывал поцелуями ее живот. При одном воспоминании об этом по коже у нее побежали мурашки, несмотря на то что она была страшно зла на него, просто разорвать готова. Она вообще не могла управлять своими физическими реакциями, когда дело касалось Джейка. Порой ее саму пугала сила собственных чувств к нему, пугала его горячность, то, что он никогда не закрывал глаза, когда они с ним занимались любовью. Рядом с ним она чувствовала себя словно подхваченный ветром листок, как будто у нее не было своей воли. Она никогда в жизни никого так не любила, никогда в жизни не испытывала такой страсти. И по сей день, когда они целовались, закипала вода в водопроводных трубах. И она считала, что Джейк точно так же одержим ею. В тот день, когда они встретились в суде, в первый же день его выхода на работу после окончания юридической школы, он забыл, куда шел, и остался сидеть у нее в кафе, не сводя с нее глаз, пока за ним не явилась окружной прокурор собственной персоной.

Нынче утром, распластанная под ним, она встретила с ним глазами, и на нее нахлынула такая жгучая волна чувств, что ее тело едва совладало с ними. Это было почти невыносимо, но она уже не представляла себя без них.

– Я скорее умру, чем буду с кем-то другим, – сказала она и протянула руку, чтобы коснуться его лица.

Его глаза были прикованы к ней, их тела сплетены в единое целое.

«Я скорее умру, чем...» было их давнишней игрой. Одной из тех вещей, которые придумывают влюбленные парочки. Шуткой для посвященных. Если они шли в ресторан, один из них мог сказать: «Я скорее умру, чем так объежусь снова». А другой отвечал: «Я скорее умру, чем позволю тебе умереть». Или, когда они гуляли по парку, кто-нибудь из них мог со смехом произнести: «Я скорее умру, чем надену на свою собаку бандану». А второй отзывался: «Я скорее умру, чем позволю тебе умереть». Но в постели это переставало быть игрой. «Я скорее умру, чем оставлю тебя. Я скорее умру, чем устану от этого».

И тут Джейк вдруг закрыл глаза, чего не делал ни разу, когда они занимались любовью.

Он остановился и скатился с нее.

И все ей рассказал.

Она была единственной женщиной в его жизни. «Ты у меня одна, Хлоя».

Он сделал ошибку. Он не хотел.

Это случилось всего один раз, сказал он. Три месяца назад. В прокуратуре устроили вечеринку в честь выигранного дела по убийству Бисли. Они все отдали этому столько сил и так радовались, и нужно было дать какой-то выход эмоциям, и он сам не понял, как все произошло.

Но любит он Хлою, а не ту, другую женщину.

Он просил у нее прощения, клялся, что сделает все, чтобы загладить свою вину. Только назвать имя женщины, с которой изменил ей, отказался.

Хлоя сидела на полу перед холодильником и тупо смотрела перед собой, когда зазвонил телефон. После сигнала автоответчика послышался голос Хэнка, одного из охранников в суде. Он хотел знать, почему ее нет на работе.

Она поднялась, оделась и пошла к выходу. Книга лежала на столике у двери. Хлоя хмуро глянула на нее.

Когда она садилась в машину, книга ждала ее на пассажирском сиденье.

Когда она отперла дверь в кафе, книга лежала рядом с кассовым аппаратом на прилавке.

* * *

В городе царило необычайное оживление. Джози совершенно позабыла, что уже начались приготовления к трехдневному фестивалю «Лысые и красивые», который проводился ежегодно в ознаменование начала горнолыжного сезона. Живая музыка и пиво привлекали на праздник студентов местного колледжа, а знаменитый конкурс лысин всегда получал самое широкое освещение в средствах массовой информации. Идея проведения фестиваля принадлежала Марко. В детстве Джози бывала с отцом на праздничных мероприятиях, но с тех пор, как она в последний раз присутствовала на фестивале, минуло уже без малого двадцать лет. После смерти Марко городские власти приглашали Маргарет с Джози в качестве почетных гостей, но Маргарет неизменно отклоняла эти приглашения, и в конце концов приглашать их перестали. Все равно они являлись лишь слабым напоминанием о том обаятельном мужчине, который когда-то был королем этих мест.

Из-за предпраздничной суеты на то, чтобы добраться до здания суда и найти место для парковки, у Джози ушло больше времени, чем она рассчитывала. Наконец ей все же удалось найти достаточно просторный пятючок, чтобы припарковать Здоровую Лолу, как она называла свой «кадиллак», но потом, когда она вошла в здание суда, дважды сработал металлодетектор. В конце концов охранники все же позволили ей пройти, и она, миновав облицованный розовым мрамором круглый вестибюль, пропахший машинным маслом, которым смазывали лифты, подошла к небольшому кафе, о котором ей рассказывала Делла Ли. Изда-лека оно походило на газетный киоск из-за полок с газетами, журналами и книгами в мягких обложках, но, приблизившись, она заметила витрину с сэндвичами и два небольших столика.

За прилавком никого не было.

Джози покрутила головой по сторонам, потом с беспокойством взглянула на часы.

Неожиданно из подсобки за прилавком донеслось:

– А ну сгинь! Только тебя мне тут не хватало!

– Прошу прощения? – изумилась Джози.

Из дверей подсобки выглянула девушка с самыми красивыми волосами, какие только Джози доводилось видеть в жизни.

– Ох, простите, – смутилась девушка и вышла из подсобки. – Я не знала, что здесь кто-то есть. Вы что-то хотели?

Щеки ее заливал яркий румянец, карие глаза блестели. Роскошные рыжие волосы густой вьющейся массой ниспадали на спину. Она точно сошла с картины, невесомая, воздушная... и пойманная за чем-то очень сокровенным.

– У вас все в порядке? – машинально спросила Джози.

Девушка вымученно улыбнулась:

– Да, спасибо. Будете что-нибудь брать?

– Поджаренный на гриле сэндвич с томатом и сыром, пожалуйста.

– Минутку.

Девушка отвернулась к грилю.

Джози присела за один из столиков. Она то и дело поглядывала на часы. Ей удалось улизнуть с заседания дамского клуба, в котором состояла ее мать, и у нее, по собственным подсчетам, было около двадцати минут, чтобы вернуться в гостиную миссис Херцог до конца заседания. Джози не была членом клуба и всегда держалась в стороне, вместе с сиделками и компаньонками престарелых приятельниц матери. Даже они не обратили внимания, когда она выскользнула из гостиной. Единственным, от чьего внимания ее побег не укрылся, был Роули Пелхэм, пожилой владелец местной таксомоторной фирмы. Над родом Пелхэмов довлело загадочное заклятие, не позволявшее им нарушать обещания. Если кто-то из членов

этого семейства давал слово, ему приходилось его держать. Если Роули обещал заехать за кем-то в десять часов, ровно в десять он стоял перед дверью. Аннабель Дрейк наняла его возить ее на собрания клуба, и он каждый раз ожидал ее на улице, не сводя глаз с дома, как будто собрание женщин в его стенах было загадкой, которую он пытался разгадать. Он улыбнулся Джози, стоя у своей машины с поднятым воротником куртки, чтобы не продуло на холодном ветру. Она знала, что он ее не выдаст. Он почему-то старательно избегал всяких разговоров с ее матерью.

Да, уходить с собрания было рискованно, но нужно же кому-то позаботиться о Делле Ли. Насколько Джози было известно, та ничего не ела вот уже три дня, с тех самых пор, как появилась у них в доме, но упорно не желала брать в рот ничего, кроме сэндвича с томатом и сыром.

Джози снова взглянула на часы и вдруг ощутила сосущее чувство под ложечкой. Она машинально прижала руку к животу, подумав, что это от голода. В воздухе аппетитно запахло разогретым острым сыром и поджаристым хлебом. Джози решила, что отвезет сэндвич Делле Ли, а сама перекусит овсяным печеньем, конфетами и солеными тыквенными семечками из своих запасов, и на какое-то время погрузилась в мечты о том, как это будет.

Металлодетектор на входе задребезжал, и Джози обернулась.

Оказалось, под ложечкой у нее сосало не от голода.

Причиной тому был Адам.

Он вывернул карманы и снова прошел сквозь рамку металлодетектора. Он был в своей почтовой форме, но без сумки. На нем была потертая флисовая толстовка с капюшоном, на голове бандана.

У Джози приоткрылись губы: он направлялся через вестибюль к ней.

Однако он даже не взглянул на нее, а двинулся напрямик к прилавку.

– Хлоя?

Рыжеволосая девушка оторвалась от гриля, бросила взгляд на вошедшего и без единого слова отвернулась обратно.

– Брось, Хло. Поговори со мной. Я только что вернулся с работы и обнаружил его у себя на крыльце.

– Мне все равно, – отозвалась Хлоя.

Адам уперся взглядом в ее спину, в ее прекрасные волосы.

– Он не хотел тебя обидеть.

– Ты что, обо всем знал? – вскинулась Хлоя.

Адам заколебался. Понятно: что бы ни было это «все», он об этом знал.

Хлоя вновь отвернулась.

– Уходи.

– Ничего не хочешь ему передать?

– Я с ним не разговариваю. И через тебя тоже. – Она, полуобернувшись, бросила на него быстрый взгляд. – Если, конечно, ты не хочешь сказать мне, кто она.

– Я не знаю, кто она, – сказал Адам. – Послушай, он попросил меня заехать к вам и привезти ему кое-какие вещи; он ведь понимает, что ты сейчас не захочешь его видеть. Но я подожду, когда ты вернешься домой с работы, хорошо? Я позвоню тебе вечером, перед тем как заехать. Джейк пока поживет у меня. Телефон ты знаешь.

Он помолчал, ожидая от нее какого-нибудь ответа, но она ничего не сказала, и он развернулся и пошел к выходу, бросив мимолетный взгляд на Джози. Сделал еще несколько шагов и вдруг остановился.

– Джози, – произнес он, как будто не сразу узнал ее. – Какая неожиданность.

– Привет, Адам, – пролепетала она.

– Что вы здесь делаете?

– Жду сэндвич. – И поспешно добавила: – Это не для меня.

«Это не для меня». Блестяще.

– А, понятно. Конечно. – Он внимательно посмотрел на нее, и она провела рукой по губам, чтобы проверить, не прилипли ли к ним крошки. – У вас все в порядке?

– Вы постоянно меня об этом спрашиваете.

– Правда? Извините. Просто у вас немного грустный вид.

Она покачала головой.

– У меня все прекрасно.

Он взглянул на Хлою, потом вновь повернулся к Джози.

– Что ж, увидимся.

Она проводила его взглядом.

– Пока.

– Ваш сэндвич.

Хлоя выставила на прилавок белый бумажный пакет.

Она пробила чек, и Джози, поднявшись, приблизилась к прилавку.

– Значит, вы знакомы с Адамом, – спросила она как можно небрежней.

– Он... Мой парень... Мой бывший парень...

Хлоя тряхнула головой, точно досадуя на себя за то, что не может сформулировать, кем ей приходится Адам, и у Джози упало сердце. У этих двоих было общее прошлое. Их связывали какие-то отношения.

– Мой парень и он – лучшие друзья, – произнесла наконец Хлоя. – С вас ровно четыре доллара.

– Вот как. – Джози довольно долго рылась в сумочке, пока все же не набралась храбрости и не спросила: – Значит, вы с Адамом не вместе?

– Нет, – произнесла Хлоя таким тоном, как будто вопрос Джози несказанно ее удивил. – А вы откуда его знаете?

Джози наконец-то вытащила деньги и передала их Хлое.

– Он приносит нам почту.

Хлоя взяла деньги и пристально посмотрела на Джози.

– Мы с вами случайно не знакомы?

– Вряд ли.

Хлоя внезапно улыбнулась.

– А, вспомнила! Вы же Сиррини, Джози Сиррини. Я видела вас на картине, вы там вместе с отцом. Она висит в вестибюле лыжной базы, и я смотрю на нее каждый раз, когда там бываю.

Джози давным-давно не вспоминала об этом портрете. Его заказала мать и настояла на том, чтобы он был повешен в вестибюле, у всех на виду. Несмотря на то что художник запечатлел ее толстым ребенком, Джози приятно было вспоминать о долгих часах, которые она провела на коленях у отца, пока они позировали для портрета.

– Надо же, я почти о нем забыла. Не знала, что он до сих пор там висит.

– Знаете, теперь я припоминаю, Адам как-то раз говорил, что носит почту в дом Сиррини.

– Правда?

– Но он никогда не упоминал, что знает вас.

Смущенная, Джози взяла теплый белый пакет.

– А он и не знает.

Она развернулась, чтобы идти, и сшибла с прилавка книгу, которую раньше не заметила. Она подняла ее и взглянула на обложку. «Искусство прощения».

– Извините. Это ваша?

– К несчастью.

Хлоя взяла у нее книгу. Джози вышла, а Хлоя скрылась в подсобке, шипя:

– Сгинь, я сказала.

* * *

– И тут вдруг появляется Адам! Я просто глазам своим не поверила! По всей видимости, парень Хлои – его лучший друг и временно живет у него. Мне кажется, они с ним жили вместе, но она его выгнала.

Джози сидела на полу перед шкафом и оживленно рассказывала. Белый пакет с сэндвичем, давно остывший, потому что Джози пришлось оставить его в багажнике машины до тех пор, пока ей не удалось тайком выбраться из дома и забрать его, лежал у нее на коленях.

Пока Джози отсутствовала, Делла Ли, очевидно от скуки, забавлялась вещами, которые Джози привезла ей из дома. На ней была детская диадема и все старые бусы из коробки разом, а поверх футболки она натянула джинсовую рубашку со стразами. Наверное, на радостях от того, что ее косметичка вновь при ней, губы она намазала ярко-розовым блеском, а ногти выкрасила лаком разных цветов.

– Какой еще Адам? – осведомилась Делла Ли, дуя на ногти.

– Наш почтальон.

– Ага! – Делла Ли посмотрела на нее с торжествующей улыбкой. – Так вот почему вчера ты так поспешно выскочила из комнаты!

У Джози было такое ощущение, как будто ее застучали с полным ртом сладких драже.

Однако Делла Ли, похоже, не собиралась смущать ее.

– Я всегда беспокоилась, что Хлоя, кроме этого своего Джейка, никого больше вокруг не видит. Она совершенно себя не понимает. Так же, как мы с тобой. – Делла Ли улеглась на спальном мешке, который дала ей Джози, и, вытянув руки, полюбовалась своими разноцветными ногтями. – Мы даже ради спасения собственной жизни не способны приказывать что-то своему сердцу. Твое так вообще теперь живет у одного парня в почтовой сумке.

– Ты их знаешь? – спросила Джози.

– Не очень хорошо. – Делла Ли опустила руки и вскинула глаза на одежду Джози. – Но знаю, что Хлоя – славная девчонка. Ей лет... наверное, двадцать пять. Мне было десять, когда родилась ты, и двенадцать, когда родилась она.

Джози недоверчиво взглянула на нее.

– Ты помнишь, когда я родилась?

– Ну конечно. И, бьюсь об заклад, большинство народу в городе тоже. Ты ведь была любимой и единственной дочерью Марко Сиррини.

– О!

Делла Ли не сделала никакой попытки взять пакет, и Джози с гордостью поставила его на пол перед ней.

– Вот, держи свой сэндвич.

Делла Ли повернула голову и взглянула на пакет.

– Я тут немного угостила твоими запасами, пока тебя не было. – Она приподняла угол спального мешка, под которым обнаружили конфетные фантики. – Я и не думала, что ты поедешь мне за сэндвичем. Ой, ну, то есть спасибо тебе большое, конечно. Ты так со мной возишься. Но я уже поела. Ты же сказала, что можно, правильно? Знаешь что? Съешь-ка сама этот сэндвич. Тебе ведь хочется. А мне завтра привезешь новый.

Джози покосилась на пакет. Съесть его было бы с ее стороны чистой воды эгоизмом, разве нет? Ей действительно этого хотелось, но она же привезла его Делле Ли. Это было

совершенно не так, как если бы она покупала его для себя. Она не может съесть этот сэндвич. Или может?

– Ты уверена?

– Абсолютно, – с коварной улыбкой подтвердила Делла Ли. – Давай ешь. И расскажи мне, что там было с Адамом. Что сказал он, что сказала ты. Чем больше я знаю, тем лучше смогу тебе помочь.

Джози вздохнула и развернула пакет.

* * *

Когда вечером в дверь квартиры Хлои постучали, она отключила у телевизора звук, взяла книгу, которая появилась рядом с ней, и засунула ее под подушку дивана.

Не успела она подняться, как «Искусство прощения» оказалось на прежнем месте.

Она снова запихнула книгу под подушку, на этот раз решительней. Обыкновенно книги сдавались, когда понимали, что она не намерена их читать. Но только не эта.

– Веди себя хорошо, – предупредила ее Хлоя.

Она пошла через гостиную, отделенную от кухни одним только мебельным островком. Все здесь было очень аккуратно, по-мужски. Никакого хлама, как любил Джейк. Она полностью растворилась в нем, в его вкусах. Она сама позволила этому произойти.

Прежде чем открыть дверь, она собралась с духом. Она знала, кто там. Перед тем как зайти, Адам позвонил и предупредил. Она сделала ему знак входить.

– Чемоданы под кроватью.

Адам вошел в квартиру и подождал, пока она закроет дверь.

– Как ты, Хло? – спросил он, расстегивая куртку.

– Я? Прекрасно. Идем в спальню и покончим со всем этим.

– Ты не представляешь, какое количество женщин говорило мне эти слова.

Хлоя против воли улыбнулась. Все в Адаме производило впечатление беспечности – его чувство юмора, его смуглая от природы кожа, его светлые вьющиеся волосы. Он походил не то на серфера, не то на любителя горных лыж. И действительно, не было ни одного экстремального вида спорта, который Адам не попробовал хотя бы раз. Ну, то есть так было до того падения три года назад. После этого он решил, что настала пора уgomониться. Никакого риска, никаких путешествий.

Но Хлоя всегда чувствовала, что на самом деле он здесь несчастлив.

Она двинулась за ним и остановилась у входа в спальню, глядя, как он достал из-под кровати чемоданы и принялся складывать в них вещи Джейка. Жаль, невозможно забрать с собой запах их хозяина, подумалось ей. Как было бы хорошо, если бы можно было собрать его в бутылку и заткнуть ее пробкой. Матрас, обои на стенах, диванные подушки – все здесь было пропитано им. Так животные метят свою территорию. Это была его вотчина. Его вещи. Теперь это больше не давало ей ощущения надежности, как было когда-то, когда она только переехала к нему. Это превратилось в злорадную насмешку, как будто Джейк говорил: «Посмотри, здесь все мое. Тебе нужно все это. Тебе нужен я».

– Джози Сиррини спрашивала о тебе сегодня, когда ты ушел из кафе, – сказала Хлоя, потому что это была нейтральная территория. – Она решила, что мы с тобой вместе. Когда я сказала, что это не так, она, похоже, обрадовалась.

Адам прекратил складывать вещи и очень странно посмотрел на Хлою.

– Я так понимаю, тебя это удивило.

– Она приятная девушка, и я приношу ей почту. Это все.

– Она действительно очень приятная. И я никогда не думала, что она на самом деле совсем молодая, – продолжала Хлоя. – Не отпирайся, я вижу, что тебя интересует не только ее почта.

– От нее пахнет мятой, – поразмыслив, сообщил он.

– Вот видишь, я же говорила.

Но Адам не стал развивать эту тему дальше. Это не походило на их обычное добродушное подтрунивание друг над другом, когда она не упустила бы случая еще подразнить его. Он скрылся в примыкающей к комнате ванной, и она, сложив руки на груди, принялась разглядывать свои ноги.

– Ты исчезнешь из моей жизни, да? – спросила она, когда он появился на пороге ванной с туалетными принадлежностями Джейка.

Адам ей нравился, но он был другом Джейка до того, как стал их общим другом. Джейк познакомился с ним в тренажерном зале. Адам тогда только поселился в Болд-Слоупе; со времени несчастного случая на склоне прошло всего несколько месяцев, и Джейк пригласил его выпить с ним и Хлоей. Все вокруг нее сперва принадлежало Джейку. Эта квартира, стильная, со стенами из красного кирпича, в отреставрированном здании пожарной части в историческом центре города. Он получил ее в подарок от родителей по случаю окончания юридической школы. После ее прадеда с прабабкой осталась кое-какая мебель вместе с сотнями коробок книг, которые накопились у нее за долгие годы и теперь хранились в съемном хранилище. Ей даже в голову не пришло попросить у него разрешения перевезти их сюда. Она и сама не знала почему. Наверное, считала, что они будут здесь не к месту. А ей хотелось занять в жизни Джейка прочное место, хотелось так сильно, что она позабыла о самой себе.

Адам подошел к ней и сжал ее локти. Ему пришлось чуть наклониться, чтобы заглянуть ей в глаза.

– Никто из твоей жизни исчезать не собирается, и меньше всех я. Это случилось всего один раз, три месяца назад. Ну, сглупил человек. Людям вообще свойственно делать глупости. Только не думай, что я о тебе. То есть о том, что ты его выгнала. То есть я хотел сказать...

Она снова улыбнулась ему:

– Адам...

– Что?

– У тебя плохо получается.

Ее слова, похоже, принесли ему облегчение.

– Я знаю. – Он отпустил ее локти. – Пожалуй, мне лучше уйти.

Он вернулся к кровати, застегнул чемоданы, и тут его взгляд упал на книгу на прикроватной тумбочке.

– Твоя? – спросил он, беря книгу в руки.

Хлоя взглянула на обложку, ожидая увидеть настырное «Искусство прощения», которое преследовало ее весь день.

Ее ожидал сюрприз.

Это была другая книга. «Старая любовь рождается вновь».

– Это правильно, Хло. – Он поднял книгу на ладони, словно взвешивал ее, как будто слова имели вес. – Правильно, что ты ее читаешь.

Озадаченная, Хлоя выглянула в гостиную и впиалась взглядом в «Искусство прощения», как ни в чем не бывало лежащее на диване.

С ума сойти. Оно вернулось с подкреплением.

– Мне пора. – Адам отложил книгу, подхватил чемоданы и двинулся к выходу из квартиры; Хлоя пошла за ним. – Может, Джейку что-нибудь передать? – спросил он у порога.

Она распахнула перед ним дверь.

– Что я довольна и счастлива?

– Хло...

– Не нужно ничего передавать. Спокойной ночи, Адам.

Она закрыла за ним дверь и круто развернулась. «Старая любовь рождается вновь» присоединилась к «Искусству прощения» на диване, как будто они вдвоем собирались поговорить с ней.

Превосходно. Ее преследуют самоучители по устройству личной жизни.

Хлоя решительно закрылась в ванной и забралась под душ. В ванной книги не появлялись никогда. Они, словно кошки, ненавидели воду. Она стояла под упругими струями, пока не остыла вода. Когда она решила, что изгнала из головы все мысли о Джейке и теперь сможет спокойно заснуть, и открыла дверь ванной, книги лежали перед ней на полу, сложенные аккуратной стопочкой одна поверх другой.

– Если еще раз увижу вас сегодня, спущу в туалет обеих, – пригрозила она и, перешагнув через них, направилась к кровати, чтобы завести будильник.

Когда она оглянулась, книг на полу не было.

Глава 4

Шоколадные чипсы в сахарной обсыпке

На следующий день, когда в работе наступила передышка, Хлоя принялась читать журналы, которые принесли с утренней почтой. Ей хотелось отвлечься на что угодно. Хотелось забыть, какая тишина стояла в квартире вчера вечером, как не по себе ей было там в одиночку. Да еще «Искусство прощения», как назло, упорно продолжало появляться на прилавке, бередя душу, напоминая ей об этом. Хорошо хоть «Старая любовь рождается вновь» решила остаться дома; правда, с утра она вывалилась из коробки с готовыми завтраками и плюхнулась прямо в тарелку, отчего хрустящие кукурузные колечки разлетелись во все стороны. Хлоя увидела, что какая-то женщина направляется к ее киоску, и в очередной раз смахнула настырную книгу с прилавка.

Женщина приблизилась, и Хлоя встрепенулась.

– Ой, это вы! – воскликнула она с необъяснимой радостью.

Джози Сиррини остановилась и принялась озираться по сторонам, пытаясь понять, к кому обращается Хлоя, но никого не увидела и решила уточнить:

– Это вы мне?

– Вам, вам, – засмеялась Хлоя. – Опять поджаренный сэндвич с помидорами и сыром на вынос?

Джози подошла к прилавку.

– Надо же, вы запомнили.

– Я всегда помню, кто что заказывает. Это у меня от прадеда. – Хлоя отвернулась от прилавка, натянула одноразовые полиэтиленовые перчатки и принялась сооружать сэндвич. – Раньше это кафе принадлежало ему, а он оставил его мне. Сэндвичи с помидорами и сыром берут не часто. Была одна женщина, которая всегда их заказывала, но она что-то давно не появлялась.

– Да? – спросила Джози таким тоном, как будто это ее заинтересовало.

Хлоя пожала плечами.

– Такая симпатичная, постарше вас, немного грубоватая. Осветленные волосы, тонна косметики. Каждый раз, когда я ее видела, она шла с заседания суда. И каждый раз по очередному делу о семейном скандале. Кроме того раза, когда ее судили за проституцию. – Хлоя умолкла и оглянулась на Джози. – Я не сплетничаю. Она сама мне об этом рассказывала. И Хэнку тоже. – Хлоя кивнула на охранника у рамки металлоискателя перед главным входом. – Она этого не стыдилась. У некоторых людей просто такой образ жизни.

Как только хлеб подрумянился, а ломтики сыра начали с шипением плавиться, Хлоя поддела сэндвич лопаткой и упаковала в вощеную бумагу. Когда она обернулась, Джози уже держала в руках деньги.

На этот раз на ней было длинное серое пальто, застегнутое на все пуговицы до воротника, из-под которого выглядывал красный кардиган. Вообще-то, она была очень хорошенькая. Ее изумительная бледная кожа разительно контрастировала с темными глазами и волосами, точно снег и черный мрамор. Выглядело это исключительно эффектно, создавалось впечатление чего-то холодного на ощупь. Зато пахло от нее вкусно, леденцами. Нет, не так, мысленно поправила себя Хлоя. От нее пахло Рождеством.

– Адам прав, – сказала она и поставила пакет с сэндвичем на прилавок перед Джози. – От вас пахнет мятой.

– Адам сказал, что от меня пахнет мятой? – переспросила Джози внезапно севшим голосом.

– Ага. Вчера вечером, когда мы с ним разговаривали.

– Это хорошо или плохо?

– Я бы сказала, что хорошо, – ответила Хлоя, пытаясь удержаться от улыбки при виде волнения, в какое привели Джози ее слова. Это было так мило. Им с Джейком не довелось пережить период этой трепетной влюбленности, этих переживаний на тему «любит – не любит». Их роман развивался стремительно, как ураган. На традиционные ухаживания времени у них не оказалось.

Она взяла у Джози деньги и пробила чек, и тут из распахнувшихся дверей дальнего лифта хлынула толпа клерков в костюмах. Начинался обеденный перерыв.

Хлоя вскинула глаза и мгновенно отыскала в толпе его. Такое впечатление, что ее мысли о нем заставили его материализоваться.

У Джейка развязался шнурок, но он этого не замечал. Из портфеля у него торчали какие-то бумаги, и кто-то указал ему на это. Вид у Джейка был потерянный. Он справлялся со всем этим ничуть не лучше, чем она, и Хлоя испытала приступ странного удовлетворения.

Джейк двинулся к ее киоску. У него тоже были темные волосы, но не черные, как у Джози, а теплого коричневого цвета, как шоколадный торт. И светло-зеленые глаза колдовского оттенка, который она различала даже с такого расстояния. От него исходили какие-то флюиды. Интересно, та, другая женщина тоже это почувствовала? А он полностью сосредоточился на ней, как сейчас был сосредоточен на Хлое? И она оказалась бессильна сопротивляться? Неодолимая волна накрыла Хлою и повлекла к нему. Ей захотелось бросить Джози, закусную и все остальное и устремиться в его объятия. Он обнимет ее и начнет целовать, и вода в кофеварке забурлит, и все будет по-прежнему. Все опять пойдет по наезженной колее, но это и хорошо. Во всяком случае, лучше, чем сейчас, когда ее жизнь разваливается на куски.

И все же Хлоя заставила себя остановиться. Это ничего не исправит. Нельзя прощать только потому, что другого выбора, как ты считаешь, у тебя нет. Это уже не прощение, это капитуляция. А она всегда капитулировала перед Джейком. Всегда.

И вообще, как может она его простить, если он не желает даже признаться ей, с кем переспал?

– Извините, – пробормотала она, разворачиваясь, чтобы скрыться в подсобке.

– Вам нехорошо? – встревожилась Джози.

Хлоя снова взглянула на Джейка. Он был уже совсем близко.

– Я просто не хочу встречаться с одним человеком.

Джози обернулась посмотреть, о ком она говорит.

– С Джейком Ярдли?

– Вы его знаете?

– Немного. – Джози снова повернулась к ней.

Ее ответ не удивил Хлою. Джейк был прокурором и все лето, пока тянулось судебное разбирательство по делу об убийстве Бисли, едва ли не каждый вечер появлялся в вечернем выпуске новостей на местном телевидении. Убийство в маленьком городке – всегда тема настолько животрепещущая, что никто не может остаться к ней равнодушным. Люди до сих пор подходили к Джейку на улице, чтобы из первых уст услышать о том, что происходило за кулисами судебного процесса, и удостовериться, что Уэйда Бисли упрятали за решетку на всю оставшуюся жизнь.

– Он изменил мне, – произнесла Хлоя впервые за все это время вслух.

– Ох, – только и сказала Джози.

Хлоя поспешно скрылась в подсобке. Когда прадед с прабабкой заболели, ей пришлось бросить колледж и продать ферму, чтобы устроить их в дом престарелых. Жить ей было негде, она тайком перебралась в эту подсобку и прожила там почти шесть месяцев. Все, что

она зарабатывала, уходило на оплату ухода за стариками. Единственным, кто знал о ее тайне, был Хэнк, но он не стал ее выдавать. Старики умерли один за другим, с разницей всего в несколько месяцев. Почти сразу после смерти прабабки Хлоя встретила Джейка и уцепилась за него, как утопающий за соломинку. Она потеряла практически все, и тут появился он, предлагавший так много.

– Хлоя, пожалуйста, выйди сюда, – послышался его голос.

– Мне кажется, она не хочет.

Хлоя склонила голову набок. Голос принадлежал Джози.

– Хлоя, если ты не выйдешь ко мне, я сам приду в подсобку.

Он словно бы и не слышал слов Джози.

Хлоя собралась с духом и приготовилась сопротивляться. В его присутствии она могла забыть о том, что это капитуляция. Могла забыть вообще обо всем на свете. А тесная подсобка была не в состоянии вместить то, что возникало между ними, когда они оказывались вдвоем. Все вокруг накалялось. Лед плавился. Яйца поджаривались прямо в коробках. После того как это произошло несколько раз, когда они только познакомились, она запретила ему появляться у нее на работе, потому что каждое такое появление оборачивалось для нее немалым уроном.

Прошло несколько секунд.

– Ну все, я иду, – предупредил он.

– Нет, – заявила Джози. – Никуда ты не идешь.

– А вы, собственно, кто такая? – осведомился Джейк прокурорским тоном, и Хлоя забеспокоилась. Когда Джейк включал прокурора, тягаться с ним было не по зубам даже Джози.

Однако, к своему удивлению, она услышала, как Джози с некоторым раздражением произнесла:

– Я – Джози Сиррини, Джейк. Когда мне было шесть, я стащила у тебя кусок шоколадного торта на рождественском утреннике у твоей бабушки и довела тебя до слез.

– Джози! – воскликнул Джейк, как будто сам изумился собственной забывчивости. – А где твоя мать? И что ты тут делаешь?

– Помогаю своей подруге.

– Я знаю всех Хлоиных подруг.

– Может быть, тебе так только казалось? – парировала Джози. Повисло молчание, потом до Хлои донеслось: – Он ушел.

Она смущенно выбралась из подсобки. Надо ей было держаться уверенней.

– Спасибо, – поблагодарила она Джози.

– Надеюсь, я не...

Джози махнула рукой в том направлении, куда, по всей видимости, удалился Джейк. Взгляд ее упал на часы у нее на запястье, и она охнула:

– Нет, только не это. Мне пора.

– Я провожу вас.

Хлоя кинулась следом за Джози, которая взяла пакет с сэндвичем и поспешила к выходу. Они пересекли фойе и вышли на улицу. В парке перед зданием суда шли последние лихорадочные приготовления к открытию фестиваля «Лыдые и красивые», назначенного на вечер. Хлопали натягиваемые полотняные навесы, создавая ветер, который взметал с газонов палую листву. По светло-серому сияющему небу плыли низкие облака.

– Подождите, – сказала Хлоя, когда они очутились на крыльце. Она не ожидала от Джози такой прыти и немного запыхалась. – Вы идете сегодня на праздник?

Джози с опаской взглянула в сторону парка.

– Нет. А вы?

– Вообще-то, я обычно хожу. Ну, то есть всегда ходила с Джейком. Если вы пойдете, я тоже пойду.

Она встретила с Джози взглядом. Они были приблизительно одного роста, и глаза у обеих были совершенно одинакового оттенка, темно-карие.

– Разве вам больше не с кем пойти?

– Все остальные станут приставать ко мне с вопросами про Джейка. А вы... у меня такое чувство, что вы не будете.

– Это не мое дело.

– Вот видите! Ну, соглашайтесь.

Джози с негромким смешком покачала головой:

– В последний раз я ходила туда еще в детстве. – Она опустила глаза и недоуменно нахмурилась, потом нагнулась и подняла книжку, лежавшую на ступенях. – Разве это не ваша книга?

Хлоя вздохнула:

– Да, спасибо.

– Вы же оставили ее на прилавке?

– Да. Наверное, я все-таки схожу на праздник. Я никогда ничего не делала одна, без него. Так больше нельзя. Пора положить этому конец.

Джози перевела взгляд с книги на лицо Хлои.

– Думаете, вы простите его?

– Пока не знаю. – Хлоя подошла к урне и сунула в нее «Искусство прощения». – Послушайте, если вы все-таки передумаете и решите прийти, я буду в районе сцены около восьми.

* * *

– На, ешь скорее, – сказала Джози, открывая дверь шкафа.

Она поставила пакет с сэндвичем перед Деллой Ли, которая сидела на полу на спальном мешке. На ней по-прежнему была детская диадема и все ожерелья, но сегодня она надела поверх футболки несколько рубашек сразу и, похоже, еще одну пару джинсов вдобавок к тем, что на ней уже были. Джози не очень понимала, зачем Делла Ли это сделала. Возможно, просто от скуки. А может быть, она считала, что единственный способ взять с собой свои вещи – надеть их все и сразу.

Впрочем, о возвращении домой она даже не заикалась. И, учитывая, что Джози там видела, это было к лучшему. Вообще говоря, Делла Ли, похоже, вполне неплохо чувствовала себя и здесь, по крайней мере, она не изъявляла никакого желания встать и поразмяться, во всяком случае днем, когда Джози ее видела. И уж кто-кто, а Джози отлично ее понимала. Если бы Делла Ли не оккупировала ее шкаф, она сама немедленно забралась бы туда и принялась читать какой-нибудь из любовных романов, заедая его малиновой карамелью и вишней в шоколаде.

Джози сняла длинное серое пальто и скинула свой счастливый красный кардиган. Ну и как, принес он ей сегодня удачу? Джози и сама не очень понимала, что чувствует. Ее жизнь менялась в мелочах, но этих мелочей было достаточно, чтобы выбить ее из наезженной колеи. Сначала появилась Делла Ли. Потом Хлоя. А теперь Адам заявил, что от нее пахнет мятой.

Он обратил внимание на то, как от нее пахнет!

– А зачем есть скорее? – поинтересовалась Делла Ли.

Джози подошла к синему креслу и положила на него сумочку и кардиган с пальто.

– Я хотела довести твой сэндвич до тебя теплым, поэтому положила его в сумочку, пока выгружала покупки. Но, боюсь, мама учуяла запах.

Она отвернулась и принялась приводить в порядок растрепанные волосы.

– И что? – не унималась Делла Ли.

– А то, что я не хочу, чтобы она обнаружила его здесь. Я задержалась, заставила ее волноваться. А если она вдобавок еще решит, что я тайком ем у себя в комнате... в общем, ей будет неприятно. А я и так за свою жизнь уже доставила ей предостаточно неприятностей.

На самом деле тайком у себя в комнате она ела все время, просто раньше к этому никогда не имел отношения никто другой. Каждую неделю, отправляясь в продовольственный магазин, она покупала себе горы сладостей, а расплачивалась за них собственной кредиткой, чтобы мать ни о чем не догадалась. Вот и сейчас в ее багажнике дожидались своего часа кокосовые драже, леденцовая крошка и несколько пузатых бутылок оранжада. Обычно она оставляла покупки в багажнике до позднего вечера, пока мать не укладывалась в постель, а потом украдкой проносила их в дом. Хелена знала о том, что Джози по вечерам навещается к машине, но, видимо, не находила в этом ничего предосудительного и скоро перестала предлагать ей помощь, чтобы отнести вещи в дом. Она лишь выглядывала из своей комнаты, желая убедиться, что там Джози, а не какой-нибудь полуночный призрак.

– И чем же ты ей так насолила? – любопытствовала Делла Ли. – По мне, так ты ради нее поставила крест на своей собственной жизни.

Джози покачала головой:

– Я была ужасным ребенком.

– И что? – повторила Делла Ли снова.

– А то, что я перед ней в долгу. И потом, она моя мать, единственный родной мне человек.

– Единственный, которого ты знаешь, – усмехнулась Делла Ли.

– На что ты намекаешь?

– Шучу. Это была шутка. – Она покачала головой. – Хватит уже тебе преклоняться перед своей мамочкой. Она вовсе не такая уж святая. К тому же ты ей до лампочки. Ты и с отцом так же себя вела.

– Откуда ты знаешь?

– Да об этом весь город знает. Ты обожала своего отца.

– Да, представь себе. Я любила своего отца. Вот такая я ненормальная.

– Спасибо за сэндвич, но я уже поела. Держи. – Делла Ли поставила пакет перед дверью шкафа. – Съешь сама.

Джози посмотрела на пакет. Если она съест этот сэндвич, то почувствует себя лучше. И хуже одновременно. Это была знакомая дилемма. Ничто в ее жизни никогда не было просто и однозначно хорошо для нее. Интересно, такое вообще возможно?

Она со вздохом подошла к Делле Ли, уселась на пол перед шкафом и открыла пакет.

– Я сегодня разговорила с Хлоей. Она вспомнила тебя – не имя, а то, что ты всегда заказывала такой сэндвич. – Джози развернула вощеную бумагу. – Она сказала, что ты каждый раз выходила из суда. Семейные скандалы и проституция.

Она надкусила сэндвич, не глядя на Деллу Ли. После первого куска ей всегда становилось легче. Некуда было отступать. Ну вот, теперь придется доесть сэндвич до конца.

– И это, разумеется, оскорбило твою высоконравственную натуру.

– Никакая у меня не высоконравственная натура. – Джози наконец оторвала взгляд от сэндвича. – Ты в самом деле была проституткой?

– Я занималась этим, чтобы заставить Джулиана ревновать. Ну, иногда и ради денег тоже. В какой-то момент это даже стало очень легко. Ты поразишься, с какой легкостью начинаешь делать некоторые вещи, на которые, как тебе казалось, не пойдешь никогда, стоит только сбросить со счетов самоуважение. – При виде выражения, которое промелькнуло на

лице Джози, Делла Ли с улыбкой взмахнула рукой. – Ладно, это не важно. Значит, Хлоя меня вспомнила? Приятно слышать. Не думала, что она меня помнит.

– Она пригласила меня на открытие фестиваля «Лысые и красивые» сегодня вечером.

– Это же здорово! Я так и знала, что вы найдете общий язык.

Джози покачала головой и откусила еще от сэндвича.

– Я не могу пойти.

– Почему? Надень эту свою кофту, которую ты так любишь, ну, которую ты только что сняла. Она тебе идет. Пойди и посмотри, что будет.

Джози опустила сэндвич.

– Ты считаешь, эта кофта мне идет?

– Ты ведь сама знаешь, что хочешь пойти, – тоном искусительницы сказала Делла Ли и наклонилась вперед, так что ее волосы рассыпались по плечам и на Джози пахнуло речной тиной. – Сходи, а потом расскажешь все мне. Я тут обдумываю для тебя один план.

– Делла Ли, ты оккупировала мой шкаф, шантажируешь меня сладостями, а в данный момент на тебе надето ровно шестнадцать предметов одежды. И ты еще считаешь, что это у меня проблемы? Придумала бы лучше план для себя самой.

Делла Ли покачала головой:

– На себя я уже давным-давно махнула рукой. А вот ты еще не совсем безнадежна.

* * *

Джози принялась пробираться к сцене. На конкурс лысин она опоздала: к выступлению уже начинали готовиться музыканты. Вокруг было полно молодежи студенческого возраста; держа в руках пластиковые стаканчики с пивом, они сбивались в группки и весело болтали в ожидании музыки. Хлою, благодаря копне ее рыжих волос, сиявших в свете прожекторов точно коричневый сахар, Джози заметила сразу. Она стояла у палатки горнолыжного комплекса «Лысый Косогор» справа от сцены. В палатке раздавали бесплатные билетки на подъемник, чехлы для компакт-дисков и лыжные шапочки с логотипом комплекса.

Джози направилась напрямик к ней. Она твердила себе, что никто на нее не глазеет, просто у нее такое ощущение, потому что Делла Ли настояла, чтобы она распустила волосы и позаимствовала у нее кое-что из косметики.

Косметика. С ума сойти.

Девчонкой она экспериментировала у себя в комнате с тюбиками помады и баночками румян, которые таскала с маминого туалетного столика, пытаясь стать такой же красивой, как Маргарет. Но перед другими она никогда прежде накрашенной не появлялась. Ее мать всегда утверждала, что при такой яркой внешности, как у Джози, косметика лишь придаст ей вид дешевки. А Сиррини и дешевизна – понятия несовместимые.

Вот почему Джози решила не говорить матери, что вечером собирается уйти, а дождалась, когда та примет снотворное и крепко уснет. Возможно, мама и не стала бы возражать, однако, скорее всего, Джози пришлось бы выслушать массу упреков и язвительных замечаний, а ей этого не хотелось.

Ей ведь двадцать семь лет. В том, чтобы в таком возрасте уходить из дома тайком, было что-то глубоко неправильное.

Однако же она уходила тайком.

Когда Джози наконец пробралась к Хлое, та явно ей обрадовалась.

– Джози! Я уж думала, ты не придешь. – Она отступила на шаг. – Мм, прекрасно выглядишь.

Джози застенчиво коснулась своей щеки рукой в перчатке.

– Вообще-то, я обычно не крашусь.

– Ну и зря. Эта прическа и макияж очень тебе идут.

Джози поколебалась, потом заправила волнистые волосы за уши; комплимент Хлои ее ободрил.

– Ну, что будем делать? – спросила она.

– Не хочешь пива?

– Пива? – Джози слегка улыбнулась. – Можно.

– Почему ты улыбаешься? – спросила Хлоя.

– Я знаю одну женщину, которая очень порадуется, когда я расскажу ей об этом.

Они раздобыли себе по стаканчику с пивом, и Хлоя спросила:

– Может, хочешь чего-нибудь съесть?

Джози ничего не ответила, потому что прилюдно ответить на подобный вопрос утвердительно было выше ее сил, но Хлоя уже направлялась к лоткам с закусками, так что ей оставалось только последовать за новой подругой. Все вокруг заволакивал теплый ароматный пар, поднимавшийся над фритюрницами, где жарился хворост. В воздухе сладко пахло ванилью.

В детстве Джози никогда не подходила к лоткам с закусками. Во время конкурса лысин она сидела за судейским столом рядом с отцом, а потом шофер отвезил ее домой. Маргарет неизменно встречала ее на пороге вопросами. Представил ли он ее кому-нибудь? Все ли видели их вдвоем? Она зорко следила, чтобы Марко демонстрировал всем, что гордится своей единственной дочерью, хотя сама была на это не способна.

Они с Хлоей съели по яблоку в карамели и по пирожку с пеканом – их пекли сухонькие старушки из жестоко соперничающих между собой церковных кружков. Мало-помалу Джози начала расслабляться. Никто на нее не глазел. Она ела на людях, и это не вызвало у нее никаких неприятных ощущений. Наоборот, ощущения были приятные. Изумительные. Возможно, дело было в еде. Возможно – в обыденности всего происходящего.

Понемногу Джози осмелела и принялась оглядываться по сторонам. Кое-кого из присутствующих она даже узнала, однако ее саму, похоже, не узнавал никто. С Хлоей дело обстояло с точностью до наоборот. Ее то и дело кто-то останавливал, чтобы перекинуться словечком. Сначала это была Бриттани, с которой Хлоя вместе училась в старших классах. Потом Джун – за той она когда-то присматривала в свободное от учебы время. А потом какая-то женщина по имени Филиппа пригласила их на рекламную презентацию посуды «Гапервер». Все происходящее наполняло Джози странным ощущением раскрепощенности, как будто она обрела возможность жить другой, тайной жизнью, какую-то сверхъестественную способность. Она может ходить по улицам в таком виде, и никто не узнает в ней Джози Сиррини. Она превратилась просто в Джози, подругу Хлои. Она может есть у всех на глазах, и никто ничего не скажет и не посмотрит на нее косо.

Перед тем как отойти от лотков с закусками, она купила себе порцию голубой сахарной ваты и понемногу отщипывала от нее, следуя за Хлоей вдоль ряда, где предлагали свой товар местные умельцы, которые все лето выстругивали деревянные салатницы и мариновали арбузные корки, чтобы продать их на фестивале. Снег начал падать крупными хлопьями, и они вились под ногами, словно домашние кошки. Джози словно попала в какой-то сказочный мир, похожий на игрушечный стеклянный шар со снежинками.

Они дошли до конца ремесленного ряда и уже собрались вернуться обратно к сцене, потому что Хлоя хотела послушать музыку, как кто-то вдруг окликнул Хлою по имени.

Под разноцветной гирляндой, натянутой между рядами лотков, стоял Джейк Ярдли. Люди обходили его, бросая в его сторону любопытные взгляды. Умный и энергичный, он со своими колдовскими зелеными глазами, которые отличали всех мужчин Ярдли, просто завораживал. Поговаривали, что Ярдли с их глазами видят человека насквозь. Сиррини и Ярдли вращались в одном кругу, поскольку оба семейства владели деньгами и крупной недвижи-

мостью в городе, однако Джейк был несколькими годами старше Джози и ходил в частную школу, а обучением Джози занималась длинная череда домашних учителей, поэтому в детстве их пути пересекались нечасто. На тех редких светских мероприятиях или праздничных вечеринках, когда это все же случалось, Джози чувствовала себя совершенно очарованной им, его глазами, тем, какой он был воспитанный и как беспрекословно слушался родителей. Она никогда ничего подобного не видела. Опыта общения со сверстниками у нее практически не было, поэтому ей казалось вполне допустимым ущипнуть его, чтобы привлечь к себе внимание, чтобы заставить его взглянуть на нее. В детстве он каждый раз заливался слезами, с возрастом же стал смотреть на нее с такой искренней жалостью, что она вынуждена была убежать.

– Хло, пожалуйста, – позвал он еще раз. В голосе его слышалось отчаяние, язык слегка заплетался.

– Черт. Не ожидала его здесь увидеть. По-моему, он выпил, – натянутым голосом сказала Хлоя и потянула Джози прочь, оглядываясь через плечо. – А, вот хорошо, по крайней мере, с ним Адам.

Это имя, точно команда гипнотизера, заставило Джози обернуться, как будто у нее не было собственной воли. Адам стоял перед Джейком и пытался что-то втолковать ему. Джейк махнул в сторону Хлои, Адам повернулся – и застыл, разинув рот. Его взгляд был прикован к Джози. Неужели он узнал ее? И что означало это выражение? Обычно мужчины не смотрели на нее так. Особенно он. Взглядами с ног до головы окидывали женщин вроде Деллы Ли и Хлои, но никак не Джози. Она оглядела себя, пытаясь понять, что же его поразило. Она увидела свою красную кофту, но все остальное было полностью скрыто огромной порцией сахарной ваты, которую она держала в руке. Джози поспешно спрятала вату за спину, но было слишком поздно. Адам уже отвернулся и потянул за собой Джейка.

– И давно это? – спросила Хлоя.

Джози обернулась и поймала на себе внимательный взгляд Хлои.

– О чем ты?

– Давно ты влюблена в Адама?

Джози вытащила из-за спины руку с ватой.

– У меня это что, на лбу написано?

Хлоя улыбнулась.

– С первой же минуты, как только его увидела, – тихо произнесла Джози.

– Думаю, он ни о чем не догадывается, Джози.

– Ох, ну еще бы он догадывался.

Хлоя вновь взглянула вслед Адаму с Джейком, потом взяла Джози за руку:

– Идем.

Они принялись пробираться к сцене, и Джози выкинула дурацкую вату. И вообще, где это видано, чтобы взрослые ели вату? Как же она сглупила!

Перед сценой яблоку негде было упасть, и Джози вслед за Хлоей оказалась в центре разгоряченной, взбудораженной толпы. Это чувство, ощущение единения, не походило ни на одно другое, которое ей доводилось испытывать прежде. Она словно растворилась в колышавшейся вокруг теплой людской волне. Поначалу ее охватило беспокойство, она испугалась, что потеряет Хлою или задохнется, но потом отдалась на волю потока, и он понес ее, точно вода.

Это оказалось прекрасно.

Басы рокотали так громко, что гудела земля, и Джози чувствовала этот гул даже сквозь подошвы своих сапог. Много лет подряд она лежала в постели и слушала отголоски чужого веселья, но ей и в голову не приходило, что когда-нибудь и она сама окажется здесь.

Примерно через час Джози неожиданно перестала двигаться вместе с толпой. Она поняла, что он здесь, еще до того, как он заговорил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.